

УДК 330.8
ББК 65.02
Р71

Подготовлено в рамках проекта ВШЭ
по изданию переводов учебной литературы

Переводчики:

А.М. Лацев (гл. 17), *В.М. Манасян* (гл. 3),
к.э.н. *М.В. Марков* (гл. 4–6, 10, 15),
к.э.н. *Д.В. Мельник* (введение, гл. 2, 7, 8, 11, 16, 18),
М.И. Миряков (гл. 1, 13, 14), *Р.Г. Хаиткулов* (гл. 9)

Научный редактор перевода:

член-корреспондент РАН, научный руководитель
факультета экономических наук НИУ ВШЭ, д.э.н., профессор
В.С. Автономов

На обложке — фрагмент литографии Ричарда Паркса Бонингтона (1802–1828)
«Улица Больших часов в Руане». 1824

Перевод опубликован Издательским домом Высшей школы экономики <<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-1318-7

ISBN 978-5-7598-1318-7 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-1829-8 (e-book)
ISBN 978-0-521-69187-1 (англ.)

© Alessandro Roncaglia 2005
© Перевод на русский язык. Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2018

Содержание

Предисловие научного редактора русского издания.....	11
Предисловие.....	14
Предисловие автора к русскому изданию.....	20
1. История экономической мысли и ее роль.....	22
1.1. Введение.....	22
1.2. Кумулятивистский подход.....	23
1.3. Подход к науке как сфере конкуренции.....	27
1.4. Стадии экономического теоретизирования: концептуализация и построение моделей.....	33
1.5. Политическая экономия и история экономической мысли.....	35
1.6. Какая из историй экономической мысли?.....	37
2. Предыстория политической экономии.....	41
2.1. Почему «предыстория»?.....	41
2.2. Классическая Античность.....	46
2.3. Наследие патристики.....	52
2.4. Схоластика.....	55
2.5. Ростовщичество и справедливая цена.....	59
2.6. Буллионисты и меркантилисты.....	66
2.7. Зарождение экономической мысли в Италии: Антонио Серра.....	73
3. Уильям Петти. Происхождение политической экономии.....	80
3.1. Жизнь и труды.....	80
3.2. Политическая арифметика и метод экономической науки.....	82

3.3.	Национальное государство и экономическая система.....	86
3.4.	Товар и рынок.....	91
3.5.	Излишек, распределение, цены.....	98
4.	От политического тела к экономическим таблицам.....	106
4.1.	Основные дебаты эпохи.....	106
4.2.	Джон Локк.....	111
4.3.	Мотивация и последствия человеческих действий.....	115
4.4.	Бернард де Мандевиль.....	118
4.5.	Ричард Кантильон.....	121
4.6.	Франсуа Кенэ и физиократы.....	128
4.7.	Политическая экономия Просвещения: Тюрго.....	137
4.8.	Итальянское Просвещение: аббат Галиани.....	141
4.9.	Шотландское Просвещение: Фрэнсис Хатчесон и Дэвид Юм.....	145
5.	Адам Смит.....	150
5.1.	Жизнь.....	150
5.2.	Метод.....	154
5.3.	Нравственный принцип симпатии.....	156
5.4.	«Богатство народов».....	162
5.5.	Ценность и цены.....	171
5.6.	Естественные цены и рыночные цены.....	177
5.7.	Происхождение разделения труда: Смит и Паунэлл.....	184
5.8.	Экономический и политический либерализм: наследие Смита.....	188
6.	Экономическая наука в период Французской революции.....	194
6.1.	Способность к совершенствованию человеческих обществ: между утопиями и реформами.....	194
6.2.	Мальтус и принцип народонаселения.....	197
6.3.	«Закон Сэя».....	205
6.4.	Теории недопотребления: Лодердейл, Мальтус, Сисмонди.....	208
6.5.	Дискуссия о законах о бедных.....	210

Содержание	7
6.6. Дискуссия о колониях.....	213
6.7. Утилитаризм Бентама.....	215
7. Давид Рикардо.....	221
7.1. Жизнь и труды.....	221
7.2. Динамическое видение Рикардо	224
7.3. От зерновой модели к трудовой теории ценности.....	229
7.4. Абсолютная ценность и меновая ценность: неизменный стандарт ценности.....	234
7.5. Деньги и налогообложение	241
7.6. Международная торговля и теория сравнительных издержек.....	246
7.7. О машинах: технологические сдвиги и занятость.....	248
8. «Рикардианцы» и закат рикардианства	252
8.1. Расстановка сил.....	252
8.2. Роберт Торренс	255
8.3. Сэмюэл Бейли.....	261
8.4. Томас Де Куинси.....	264
8.5. Джон Рамсей МакКуллох	266
8.6. Рикардианские социалисты и кооперативное движение	267
8.7. Уильям Нассау Сениор и антирикардианская реакция	274
8.8. Чарлз Бэббедж	279
8.9. Джон Стюарт Милль и философский радикализм	281
8.10. Милль о политической экономии.....	288
9. Карл Маркс	294
9.1. Введение.....	294
9.2. Жизнь и труды	295
9.3. Критика разделения труда: отчуждение и товарный фетишизм	300
9.4. Критика капитализма и эксплуатации	302
9.5. Накопление и расширенное воспроизводство.....	308
9.6. Законы движения капитализма	313
9.7. Трансформация трудовых стоимостей в цены производства.....	315

9.8.	Критическая оценка	319
9.9.	Маркс и марксизм	324
10.	Маржиналистская революция: субъективная теория ценности.....	330
10.1.	«Маржиналистская революция»: обзор	330
10.2.	Предшественники: равновесие между редкостью и спросом	334
10.3.	Уильям Стенли Джевонс	338
10.4.	Джевонсовская революция	342
10.5.	Реальные издержки и альтернативные издержки.....	347
10.6.	Филипп Генри Уикстид и Фрэнсис Исидро Эджуорт	349
11.	Австрийская школа и ее соседи	352
11.1.	Карл Менгер	352
11.2.	Methodenstreit	359
11.3.	Макс Вебер.....	363
11.4.	Ойген фон Бём-Баверк	366
11.5.	Кнут Виксель и шведская школа.....	369
11.6.	Фридрих фон Хайек	373
12.	Общее экономическое равновесие.....	381
12.1.	Невидимая рука рынка.....	381
12.2.	Леон Вальрас	385
12.3.	Вильфредо Парето и лозаннская школа.....	397
12.4.	Ирвинг Фишер.....	402
12.5.	Дебаты на тему существования, единственности и устойчивости равновесия	404
12.6.	В поисках аксиоматической экономики.....	407
13.	Альфред Маршалл	412
13.1.	Жизнь и труды.....	412
13.2.	Истоки	415
13.3.	«Принципы»	420
13.4.	Экономическая наука становится профессией	430
13.5.	Монетарная теория: от старой кембриджской школы к новой	432

13.6.	Маффео Панталеони.....	434
13.7.	Маршаллианство в Соединенных Штатах: от Джона Бейтса Кларка до Джейкоба Вайнера.....	436
13.8.	Торстейн Веблен и институционализм	439
13.9.	Экономика благосостояния: Артур Сесил Пигу.....	442
13.10.	Несовершенная конкуренция.....	445
13.11.	Наследие Маршалла в современной экономической теории.....	448
14.	Джон Мейнард Кейнс	450
14.1.	Жизнь и труды.....	450
14.2.	Вероятность и неопределенность	455
14.3.	«Трактат о деньгах»	458
14.4.	От «Трактата» к «Общей теории»	462
14.5.	«Общая теория»	465
14.6.	Защита и развитие «Общей теории»	475
14.7.	Асимметрии экономической политики в условиях открытой экономики и международные институты	477
14.8.	Михал Калецкий	479
14.9.	Новая кембриджская школа.....	481
15.	Йозеф Шумпетер	485
15.1.	Жизнь	485
15.2.	Метод	489
15.3.	От статики к динамике. Циклы.....	491
15.4.	Крушение капитализма	498
15.5.	Путь экономической науки	502
16.	Пьеро Сраффа	506
16.1.	Первые сочинения: деньги и банки.....	506
16.2.	Дружба с Грамши	509
16.3.	Критика маршалловской теории	511
16.4.	Несовершенная конкуренция и критика репрезентативной фирмы.....	515
16.5.	Кембридж: Витгенштейн и Кейнс.....	517
16.6.	Собрание сочинений Рикардо.....	522

16.7.	«Производство товаров посредством товаров»	525
16.8.	Критика маржиналистского подхода.....	530
16.9.	Школы сраффианства.....	534
17.	Эпоха фрагментации	542
17.1.	Введение.....	542
17.2.	Микроэкономика общего экономического равновесия.....	545
17.3.	Новые теории фирмы	549
17.4.	Институты и экономическая теория	554
17.5.	Макроэкономическая теория после Кейнса.....	555
17.6.	Теория роста.....	564
17.7.	Количественные исследования: развитие эконометрики.....	567
17.8.	Новые аналитические методы: теория повторяющихся игр, теория стохастических процессов, теория хаоса.....	573
17.9.	Междисциплинарные проблемы и основания экономической науки: новые теории рациональности, этика и новый утилитаризм, рост и устойчивое развитие, экономическая демократия и глобализация	577
18.	Куда мы идем? Некоторые (весьма предварительные) выводы.....	583
18.1.	Какими путями может следовать экономическая наука?.....	583
18.2.	Разделение труда среди экономистов: можно ли продолжать двигаться по разным путям?	587
18.3.	На какой из различных путей можно поставить?	591
	Литература.....	595
	Именной указатель	651

Предисловие научного редактора русского издания

Уважаемый читатель!

Перед Вами новый и, не побоюсь сказать, очередной учебник по истории экономической мысли. Допускаю, что у Вас уже есть одно, а то и несколько достойных произведений данного жанра, и Вы, естественно, задумались, стоит ли занимать дефицитное место на книжной полке новым фолиантом.

По этому поводу мне хотелось бы сказать следующее. Единый учебник — эта мечта многих деятелей отечественного образования — не встречается даже в преподавании естественных дисциплин, где мы, как правило, можем быть уверены в том, что в любом учебнике будет правильно и последовательно изложено содержание данной научной дисциплины. Автор этого предисловия помнит, как гонялся в школьные годы за фейнмановскими лекциями по физике, где привлекал именно «необщий» авторский взгляд на физические проблемы. Обществоведы по понятным причинам еще менее склонны к единообразию — их взгляд на человеческое общество представляет собой ту или иную абстракцию относительно его реальной сложности. Любая из этих абстракций, если их авторы — люди творческие и квалифицированные, представляет интерес и может пригодиться при рассмотрении той или иной проблемы. Не бывает абстракций хороших и плохих вообще — их качество определяется применительно к конкретной задаче. Поэтому даже среди учебников микроэкономики — наиболее отработанной области экономической науки, представляющей собой логику экономического мышления, мы найдем огромное разнообразие учебников разной степени ортодоксальности.

В еще большей степени это относится к учебникам по истории экономических учений. Если вынести за скобки те из них, которые полностью представляют собой компиляцию из других учебников, то каждый учебник истории экономической мысли интересен нам особенностями авторского взгляда, его, если хотите, субъективностью. Автор этих строк посвятил

много лет изданию «Истории экономического анализа» Шумпетера. Этот классический труд представляет собой историю человеческого духа с точки зрения великого экономиста, который чрезвычайно субъективен, не скрывает своих симпатий и антипатий. И если ему не нравится утилитаризм как философская и этическая система, то тем хуже для экономистов, на которых он повлиял (особенно британских)!

То, что Шумпетер ставит Чезаре Беккариа выше Адама Смита, конечно, многое говорит о нем самом, но заставляет нас по-новому взглянуть и на Смита! И конечно, особый интерес в любом учебнике представляют те главы, в которые автор вложил результаты своих собственных научных изысканий. У того же Шумпетера (который, вообще-то, уникален тем, что у него было личное мнение по поводу большинства экономистов, философов, социологов и других ученых всех стран и времен) особенно интересно читать про схоластов, у Блауга — про маргиналистскую революцию и т.д.

Учебник Алессандро Ронкальи, который вы держите в руках, тоже несет на себе отпечаток личных научных интересов и симпатий автора. Я бы особо выделил раздел о Сраффе, его учителе и наследнике классической политической экономии в XX в. Вообще Сраффа оказал сильное влияние на подход Ронкальи. С одной стороны, это влияние позволило автору противопоставить два направления экономической мысли, «субъективное», которое развивалось в рамках теории полезности, и «объективное», в центре внимания которого находятся вопросы воспроизводства, материальные издержки и избыточный продукт. С другой стороны, Сраффа как издатель и комментатор собрания сочинений Рикардо задал для Ронкальи образец анализа, который он стремился реализовать, создавая свой обширный труд.

Вообще, следует отметить понятный интерес автора к родной итальянской экономической литературе (отдельные подразделы посвящены Серра, Галиани, Панталеони). Итальянская экономическая мысль часто бывала на переднем крае, но редко (за исключением все того же Шумпетера) подвергалась в учебниках подробному и квалифицированному разбору.

Могу порекомендовать любому преподавателю, читающему курс истории экономических учений, главу о предьстории политической экономии. Автор здесь не вдается в частности, но дает внятный и четкий обзор «донаучной» стадии развития экономической науки, который можно дать студентам для самостоятельного изучения. Особой глубиной отличается глава о Петти, которому была посвящена отдельная монография Ронкальи. Многогранной и комплексной представляется глава о Смите, включающая анализ его этических и методологических опусов.

Мне показалась очень оригинальной и интересной глава о рикардianцах и упадке рикардianства — этих сведений я не встречал ни в одном учебнике по истории экономических учений.

Достоинство представлена в книге маржиналистская революция: отдельные главы посвящены джевонианской, вальрасианской, австрийской и маршаллианской (выделение этой последней, по-моему, очень важно!) традициям, включая предшественников и последователей главных протагонистов.

Нечасто встречается в нынешних учебниках и столь основательный разбор сочинений Йозефа Шумпетера.

Нельзя не похвалить автора и за смелость, с которой он обращается к современной экономической науке после Второй мировой войны, с которой не любят иметь дело авторы учебников этого жанра. Конечно, «эпоха фрагментации» может быть описана только обзорно, но, на мой взгляд, этот обзор включает почти все значительные явления данного периода (хорошее чтение для аспирантов, которым надо быстро повторить материал по курсу современной экономической науки). И наконец, финальную главу, в которой содержатся размышления автора про два основных пути развития экономической теории и ее будущее, я лично читал с захватывающим интересом.

Завершив обзор наиболее интересных глав книги, чувствую, что был несправедлив к другим. Закончу тем, что учебник Алессандро Ронкальи используется во многих странах мира и, на мой взгляд, может быть с успехом применен в России.

В.С. Автономов

Предисловие

В основе этой книги лежит идея о том, что история экономической мысли имеет большое значение для понимания механизмов функционирования экономики, которая составляет основу человеческого общества. В прошлом в результате столкновения со сложной, находящейся в процессе постоянного изменения реальностью появлялись и развивались различные подходы к изучению экономики — и они предоставляют богатый материал для интерпретации экономических феноменов, даже тех из них, которые непосредственно связаны с современной ситуацией. Именно в последнем случае история экономической мысли не только предлагает гипотезы для интерпретации доступной нам сегодня информации, но и предостерегает от поспешного и механического применения моделей, заимствованных из доминирующей (на сегодняшний день) экономической теории. Равным образом, при столкновении с различными подходами к рассмотрению экономических вопросов четкое представление о культурных корнях как собственной линии рассуждений, так и отличных от нее, конкурирующих с ней линий дает чрезвычайно ценную возможность уйти от возможной ситуации диалога глухих.

Важно учесть то, что успокоительный подход, разделяемый в большинстве учебников экономической теории, согласно которому в отношении «экономических истин» давно достигнут консенсус, является ложным — по крайней мере в отношении самих теоретических основ экономического знания. Для понимания множества позиций, существующих при обсуждении экономических вопросов, важно провести реконструкцию различных взглядов на функционирование экономики, которые предлагались, развивались и подвергались критике в прошлом. Это непростая задача. Экономические дебаты не следуют прямым линиям, они представляют собой, скорее, запутанный клубок.

В попытке распутать его мы сосредоточим внимание на концептуальных основаниях различных теорий. И одним из аспектов, отличающих данную книгу от других работ по истории экономической мысли, является признание того, что само значение того или иного понятия (или концеп-

ции) может изменяться, даже если это понятие при переходе от одной теории к другой сохраняет свое название. Изменения в аналитических системах связаны с изменениями в концептуальных основаниях, хотя этот факт и игнорируется очень часто.

В этом отношении предложенное Йозефом Шумпетером разделение между историей анализа и историей мысли (где первая относится к области аналитических систем, а вторая — к области «мировоззрений») является не столько ошибочным, сколько бесполезным. Так же бесполезно и жесткое разделение в истории экономической мысли между «рациональными» и «историческими реконструкциями». Ведь совсем неочевидно, почему реконструкция логической структуры подхода того или иного экономиста будет с необходимостью вступать в противоречие с анализом его мировоззрения. Можно утверждать, что в области истории экономической мысли, как и в аналогичных областях, важнейшим элементом, позволяющим отделить научное от ненаучного, выступает критерий филологической правильности.

Пределы настоящей работы заданы, таким образом, не априорной приверженностью ее автора некой конкретной линии интерпретации, а неизбежной ограниченностью автора в способностях и времени, его принадлежностью к определенной культуре. Так, я не рассматривал вклад культурных традиций Востока и уделил незначительное место (лишь одну главу) 20 векам предьстории современной экономической науки. Разумеется, западная экономическая теория укоренена в наследии классической Античности — как греческой, так и римской — и обогащена воздействием средневековой культуры, которая являлась более сложной и разнообразной, чем это обычно представляется. Поэтому решение уделить этому этапу всего несколько страниц является, безусловно, весьма спорным. Но в столь широкой области исследования ограничения подобного рода, увы, неизбежны. И естественно, что представленные далее результаты, несмотря на все стремление к их систематическому изложению, не претендуют на то, чтобы считаться истиной в последней инстанции. Я могу лишь приветствовать любую критику и комментарии, которые могут оказаться полезными в дальнейших исследованиях.

Наше путешествие начинается главой о методологических вопросах. Она не замысливалась как обзор или даже как введение в обсуждение проблематики эпистемологии. Мы лишь постараемся увидеть ограниченность «кумулятивного взгляда» и понять важность анализа концептуальных оснований различных теоретических подходов.

Следующие три главы посвящены рассмотрению досмитовской экономической мысли. В главе 2 рассматривается предьстория экономической науки, от Античности и вплоть до меркантилизма. В главе 3 внимание со-

средоточено на Уильяме Петти и его политической арифметике — ключевом эпизоде в формировании экономической науки как в отношении ее метода, так и системы понятий, выражающих экономическую реальность. Фокусировка внимания на отдельной фигуре или группе фигур в этой, как и в последующих главах, позволит более четко понять особенности той или иной стадии эволюции экономической мысли или направления исследований.

В период между концом XVII и серединой XVIII в., как мы увидим в главе 4, различные направления исследований сталкивались между собой. И хотя этот период не был богат на значительные прорывы в сугубо аналитической области, мы обратим внимание на значимость того взаимодействия между экономикой и другими областями социальных исследований, которое характеризовало его. Именно в это время вопросы о том, как устроено человеческое общество, какие мотивы управляют человеческим поведением (вопрос о роли страстей и интересов и особенно преследования собственных интересов), к каким желаемым или же непредвиденным последствиям приводят человеческие действия, стали предметом бурных дебатов на пересечении между экономикой, политикой и наукой о морали.

Уже на этой стадии четко обособились два подхода, дихотомия которых (со всеми присущими им ограничениями) станет очевидной в дальнейшем изложении. С одной стороны, функционирование экономики рассматривалось как результат столкновения сил спроса и предложения на рынке: мы можем обозначить его как «дуговой» подход — по аналогии с электрической дугой (дуговым разрядом). Здесь взаимодействие двух полюсов — спроса и предложения — приводит к разряду в виде акта обмена и, следовательно, к установлению равновесия. В этом подходе понятие равновесия приобретает центральную роль. С другой стороны, мы видим идею о том, что функционирование экономической системы проявляется через последовательные циклы производства, обмена, потребления. Этот подход можно обозначить как «спиральный», поскольку в нем эти циклы не являются неизменными, но составляют стадии единого процесса роста и развития.

Пересмотр и оригинальное переосмысление столкновений между этими подходами было предложено в работах Адама Смита, что будет рассмотрено в главе 5: неустойчивое равновесие между стремлением к собственной выгоде и «этикой симпатии» выступает другой стороной процесса разделения труда и его результатов. Дискуссии о типичных для Смита вопросах экономического и социального прогресса представлены в главе 6. Великая Французская революция и эпоха террора обозначили предпосылки к фронтальной конфронтации между сторонниками идеи о необходимости улучшения человеческих обществ и теми, кто считал всякое вмешательство

в регулирующий экономику и общество механизм бесполезным, если не опасным.

Затем мы переходим к главе 7 — к Давиду Рикардо, первому автору, которому принадлежит заслуга создания стройной аналитической системы, последовательно развиваемой на основаниях, заложенных Смитом. Рикардо выделяется среди других участников этой чрезвычайно богатой и насыщенной стадии экономических дискуссий, несмотря на то что Торренс, Бэйли, Де Квинси, МакКуллох, Джеймс и Джон Стюарт Милли, Бэббидж и «социалисты-рикардианцы» с полным основанием могут рассматриваться как самостоятельные величины, вклад которых представлен в главе 8. В главе 9 мы рассматриваем Карла Маркса и особенно те аспекты его мысли, которые имеют непосредственное отношение к политической экономии.

Золотой период классической школы относится преимущественно к эпохе между Смитом и Рикардо. Переломный момент, традиционно относящийся примерно к 1870 г. и обозначаемый как «маржиналистская революция», возвращает нас к «дуговому» представлению о противоположности сил спроса и предложения на рынке. Несмотря на то что оно давно присутствовало в обсуждении экономических вопросов, именно тогда это представление приняло наиболее выраженную форму благодаря как наличию четкой аналитической структуры субъективной теории ценности, так и большей стройности предлагаемой концептуальной картины. Центральная проблема экономической науки переместилась от объяснения функционирования рыночного общества, основанного на разделении труда, к интерпретации выбора рациональных агентов в их взаимодействии с другими, следующими подобным правилам поведения индивидами посредством рынка.

Основные черты этого изменения и длительной подготовки к нему обсуждаются в главе 10. Кроме того, эта и две последующие главы иллюстрируют три основных течения, на которые традиционно подразделяется маржиналистский подход: английское (Джевонс), австрийское (Менгер) и, наконец, французское, связанное с анализом системы общего экономического равновесия (Вальрас). Всеобъемлющая попытка синтезировать классический и маржиналистский подходы характеризует вклад Альфреда Маршалла. Эта попытка и ее ограничения рассмотрены в главе 13.

Маржинализм неразрывно связан с субъективной теорией ценности, с радикальной трансформацией утилитаризма, который изначально выступал основой для этики консеквенциализма. Утилитаризм Джевонса низводит homo oeconomicus до вычислительной машины, которая максимизирует одномерную величину: именно на этом зыбком фундаменте, как мы увидим, строит свой аналитический замок субъективная теория ценности.

Случай Маршалла довольно интересен, поскольку он показывает, насколько сложно связать комплексное и гибкое видение мира с аналитиче-

ской структурой, ограниченной догмами концепции равновесия. Нечто подобное произошло и в случае австрийской школы, так же как и с подходом Шумпетера, теория которого представлена в главе 15. Таким образом, мы можем разобраться в причинах значительного разброса в оценках нескольких ключевых экономистов (превозносимых или принижаемых в зависимости от позиции, с которой они оцениваются), приняв во внимание богатство и глубину их концептуальной репрезентации действительности, или же слабые стороны и жесткость их аналитических систем.

Проблема взаимоотношений между концептуальной основой и аналитической системой принимает различные формы в работах Джона Мейнарда Кейнса и Пьеро Сраффы, чьи вклады рассмотрены в главах 14 и 16. Кейнс надеялся сделать свои идеи приемлемыми, сколь бы революционными они ни являлись, для ученых, воспитанных в традициях маржинализма. Однако примирительный подход Кейнса привел к явному искажению его идей, что было закреплено в стерильной канонической версии «неоклассического синтеза». Сраффа, в свою очередь, представил свой анализ таким образом, чтобы сделать возможным его использование как конструктивно, в рамках классического подхода, так и с целью критики, проводимой в рамках маржиналистского подхода. Это, однако, затруднило реконструкцию метода и концептуальных основ его теории, также открыв путь ко многим недоразумениям.

Наконец, главным образом на базе работ Кейнса и Сраффы, а также принимая во внимание позднейшие разработки, освещенные в главе 17, в главе 18 представлены некоторые предварительные и беглые размышления о перспективах дальнейшего развития экономической науки.

Идея этой работы зародилась давно и была связана с подготовкой курса лекций «Экономические философии», который я прочитал в 1978 г. в Университете Ратджерса. К тому времени я уже провел исследования по Торренсу, Сраффе и Петти [Roncaglia, 1972; 1975; 1977] и весьма наивно полагал, что смогу написать книгу подобного рода на основе моих лекционных заметок за довольно короткий промежуток времени. В последующие годы я читал курсы лекций по истории экономической мысли в Университете Парижа X (Нантер), на факультете статистики и докторских курсах в области экономической науки в Университете Рима (Ла Сапиенца), а также в Институте Св. Анны в Пизе. Я, кроме того, принимал участие в реализации итальянского телепроекта «The Pin Factory»: 27 серий о ключевых фигурах в истории экономической мысли. Эти события сыграли основную роль в попытке сделать мое изложение еще более ясным и более системным. Моя работа получала поддержку в виде исследовательских грантов Министерства университетов и науки Италии (MIUR). Мне также очень помогли замечания и комментарии, полученные на многих семинарах и конференциях, а также в виде откликов на работы по проблемам из истории

экономической мысли, которые я публиковал в течение долгого времени. Многие коллеги и друзья оказали большую помощь; я хочу особо отметить начальный импульс, данный мне Пьеро Сраффой и Паоло Силосом Лабини, равно как и полезные замечания Джакомо Бекаттини, Марселлы Корси, Франко Донцелли, Джеффа Харкурта, Марко Липпи, Кристины Маркуццо, Нерио Нальди, Козимо Перотты, Джино Ронкалья, Марио Тонверонаки, Луисы Валенте и Роберто Виллетти, которые читали черновики некоторых глав. Сильвия Брандолин оказала неоценимую помощь в редактировании.

Английское издание включает некоторые новые материалы и ряд незначительных изменений, сделанных благодаря комментариям и предложениям Джузеппе Привитеры и других читателей двух (к настоящему времени) итальянских изданий, а также четырех анонимных рецензентов. Кроме того, я выражаю благодарность Грэму Селлсу (и Марку Уолтерсу за главы 12, 13 и 17) за помощь в улучшении моего ужасного английского стиля, и Энни Ловетт, Патрисии Морис и Джо Норт — за их снисходительность и терпение, проявленные в ходе подготовки книги к печати. Очевидно, что ответственность за оставшиеся ошибки — неизбежные в работе подобного рода — лежит на мне. Я буду благодарен тем читателям, которые укажут мне на них (Alessandro.Roncaglia@uniroma1.it).

А. Ронкалья

Предисловие автора к русскому изданию

После первых публикаций, сначала на итальянском, а затем на английском, испанском и китайском языках, «Богатство идей» нашло множество внимательных читателей: благодаря им в последующие издания, включая и данное издание на русском языке, были внесены некоторые, относительно незначительные, изменения и исправления. Этот текст используется в качестве учебника во многих университетах по всему миру: от Италии до Великобритании и США, от Аргентины до Греции, от Испании до Китая, от Турции до Кении и т.д. Но на самом деле для книги изначально задумывалось двойное назначение: ее задачей было также (и даже по преимуществу) предложить интерпретацию истории экономической мысли, противостоящую маржиналистско-неоклассической. Я уверен в том, что именно так она и прочитывается профессиональными историками экономической мысли.

При этом, однако, предложенные здесь основные тезисы не подвергались критике: очевидно, они выдержали проверку в ходе широкого распространения книги. И это весьма отраднo. В противоположность представлению многих экономистов, приверженных математическим методам, история экономической мысли является наукой, которая обладает собственными критериями оценки верности интерпретации отдельных авторов или же направлений мысли. Это филологические критерии, относящиеся к тексту и контексту. Безусловно, они обеспечивают меньшую однозначность по сравнению с критериями, относящимися к математическим доказательствам. Но в большинстве случаев они обеспечивают достаточную степень точности. Моим излюбленным примером в этом отношении выступает приписывание Адаму Смиту тезиса о «невидимой руке рынка»: как показано в книге, не может быть никаких сомнений в том, что Джордж Стиглер и другие, кто следовал этому представлению, заблуждались.

Основы моей интерпретации были заложены моими учителями, Паоло Силосом Лабини и Пьеро Сраффой. Они повлияли на меня и непосредственно, и своими работами, среди которых я отмечу лишь блестящее из-

дание Сраффой сочинений Рикардо, опубликованное более полувека назад. Этот вклад Сраффы оказал огромное влияние на выявление существенного различия между классическим и маржиналистско-неоклассическим подходами.

В «Богатстве идей» я старался четко представить это различие в его разнообразных проявлениях (в значении понятий ценности, цены, равновесия, рынка, экономического агента и т.д.); показать то, как оно развивалось во времени, с учетом разнообразия позиций многих авторов, принадлежащих к противоборствующим лагерям; оценить вклад таких авторов, как Маршалл, Кейнс, Шумпетер и сам Сраффа, которые занимали промежуточные или в чем-то аномальные позиции; выявить расходящиеся направления в современных экономических исследованиях.

В ряде случаев моя интерпретация отличается от интерпретаций, предложенных влиятельными в области истории экономической мысли авторами. Так, я согласен с предложенным Марксом в «Теориях прибавочной стоимости» тезисом о том, что Уильям Петти является основателем классической политической экономии. Но мое обоснование данного тезиса отличается от предложенного Марксом: он исходил из наличия у Петти трудовой теории ценности, тогда как, по моему мнению, у Петти присутствовала теории ценности, основанная на физических затратах (что, в свою очередь, подразумевает также и различия в определении понятия излишка). По сравнению со Сраффой, в данной книге предлагается иная оценка места и значения Адама Смита по отношению к Давиду Рикардо, а кроме того, уделяется большее внимание интерпретации общества вне рамок теории ценности и предлагается реформистский взгляд на капиталистическую экономику.

Появление моей книги стало возможным благодаря помощи многих друзей и коллег, которую мне посчастливилось получать на протяжении длительного периода. Теперь их список обогатился именами Дениса Мельника, без которого русского издания не было бы, и Владимира Автономова, который сыграл ключевую роль в организации проекта и проделал блестящую редакторскую работу.

А. Ронкалья

1. История экономической мысли и ее роль

Понять других — в этом состоит цель историка. Нелегко найти более сложную задачу. Сложно найти более интересную.

[Kula, 1958, p. 234]

1.1. Введение

Тезис, выдвигаемый в этой главе, состоит в том, что история экономической мысли важна для каждого, кто интересуется тем, как работает экономика. Поэтому экономисты, как производители и потребители экономических теорий, должны изучать и использовать историю экономической мысли. Чтобы подтвердить этот тезис, мы рассмотрим несколько методологических вопросов, которые, помимо их собственного внутреннего интереса, помогут понять нашу линию рассуждений в этой книге.

Наш тезис противоречит наиболее широко распространенному сейчас подходу. Большинство современных экономистов, особенно из англосаксонских стран, убеждены, что взгляд в прошлое может быть полезным при обучении молодых экономистов, но не является необходимым для прогресса научного исследования, который, скорее, требует сугубо теоретической работы.

В следующем подразделе 1.2 мы рассмотрим основы этого подхода, также известного как «кумулятивный взгляд» на развитие экономической мысли. Мы увидим, насколько важная роль отведена истории экономической мысли даже в этом очевидно враждебном контексте.

Кумулятивному взгляду противостояли другие идеи о том, какой путь проходит научное исследование. В подразделе 1.3 мы рассмотрим тезисы о существовании прерывностей («научные революции» Куна), или конкуренции среди разных «научно-исследовательских программ» (Лакатос). Как мы убедимся, эти авторы указали на существование разных картин мира и, следовательно, разных путей формулирования и определения проблем, которые подвергаются теоретическому исследованию.

В подразделе 1.4 мы вспомним различие, которое проводил Шумпетер между двумя стадиями рабочего процесса экономиста-теоретика: первая — создание системы концепций, представляющих экономику, и вторая — создание моделей. Далее, в подразделе 1.5, мы увидим, как из этого различия вытекает важная, но часто игнорируемая, роль истории экономической мысли внутри самого поля экономической теории как способа исследовать концептуальные основания разных теорий.

Все это является основой для обсуждения в подразделе 1.6 вопроса о том, какой вид истории экономических учений наиболее релевантен для формирования экономических теорий. Очевидно, это не отрицает того факта, что существует самостоятельный интерес к исследованию истории идей: ни в коем случае! Мы также не будем рассматривать такие вопросы, как автономность истории экономических учений или к кому, с точки зрения разделения интеллектуального труда, ближе историки экономической мысли — к экономистам или историкам экономики. Вывод, который мы хотим сделать, состоит в том, что экономисты, отказывающиеся от изучения истории экономической мысли и проведения некоторой исследовательской работы в этой области, существенно ограничены в своей теоретической работе.

1.2. Кумулятивистский подход

Согласно кумулятивистскому подходу, история экономической мысли демонстрирует восходящее продвижение ко все более высокому уровню понимания экономической реальности. Временный конечный пункт этого движения — современная экономическая теория — включает достижения всех прежних теорий.

Кумулятивистский подход связан с позитивизмом¹. Точнее, наиболее широко распространенная версия кумулятивистского подхода опирается

¹ Знаменитый и характерно радикальный пример этого направления представлен Панталеони [Pantaleoni, 1898]. По его мнению, история экономической мысли должна быть «историей экономических истин» [Ibid., p. 217]: «ее единственная цель ...связать происхождение истинных учений» [Ibid., p. 234]. Фактически Панталеони считал доступными четкие критерии для оценки истинности или ложности экономической теории: «Имел место трудный поиск гипотез, которые были бы одновременно ясными и соответствовали бы реальности... Далее факты и гипотезы использовались, и все, что могло быть из них выведено, было выведено. Теоремы также были проверены на соответствие реальности» [Ibid., p. 217]. Выраженный в этих терминах критерий Панталеони отражал довольно примитивный и упрощенный вариант позитивизма; решительность, с которой критерий был предложен, вероятно, вытекает, по крайней мере частично, из остроты полемики между австрийской маржиналистской школой и немецкой исторической школой (см. подразд. 11.2 наст. изд.).

на упрощенную версию логического позитивизма, так называемого традиционного взгляда, который имел много последователей с 1920-х годов. Коротко, идея состоит в том, что ученые применяют методы логического анализа к исходному материалу, полученному из опыта. Чтобы оценить результаты, могут быть созданы объективные критерии для их принятия или отклонения. Более точно, *аналитические утверждения*, а именно те, которые содержат абстрактные теоретические рассуждения, являются или тавтологией, т.е. логически подразумеваются в предпосылках, или внутренне противоречивы, т.е. могут нести в себе логические несоответствия; в первом случае аналитическое утверждение принимается, во втором отвергается. Что же касается *синтетических утверждений*, которые касаются эмпирического мира, — они подтверждаются или опровергаются фактами и, следовательно, принимаются или отвергаются в силу «объективных» причин. Все остальные утверждения, для которых не может быть найдено объективных критериев принятия и отвержения, называются *метафизическими* и рассматриваются как внешние по отношению к области науки.

Такая концепция подверглась жесткой критике, которая обсуждается в следующем подразделе². Тем не менее она остается основой кумулятивистского взгляда на экономическую науку, или, другими словами, идеи о том, что каждое успешное поколение экономистов вносит новые аналитические или синтетические утверждения в общую сокровищницу экономической науки, которая — как наука — единогласно определяется как набор «истинных» утверждений касательно экономических вопросов. Новое знание, таким образом, добавляется к уже имеющемуся, и во многих случаях — когда обнаруживаются некоторые дефекты в принятых ранее утверждениях — замещает его. Следовательно, изучение науки должно проводиться «на теоретическом рубеже», принимая во внимание самую современную версию, а не предыдущие теории. Вместе с тем здесь может приниматься во внимание то, что прошлое заслуживает некоторого внимания: как утверждал Шумпетер [2001, т. 1, с. 4–5], изучение экономистов прошлого оказывается педагогически полезным, поскольку может подсказать новые идеи и предоставляет полезные материалы касательно метода научного исследования в такой комплексной и интересной области, как экономика, расположенной на границе естественных и общественных наук.

Похожие аргументы выдвигались и другими историками экономической мысли, зачастую в упрощенной форме и не без риторики. Однако, как указывал Гордон [Gordon, 1965, p. 121–122], тот факт, что история экономи-

² Подробнее см.: [Caldwell, 1982; Hands, 2001]; о связи между «традиционным взглядом» в эпистемологии и кумулятивистским подходом в истории экономической мысли см.: [Cesarano, 1983, p. 66].

ческой мысли может помочь в изучении экономической теории, не является достаточной причиной для ее изучения. Учитывая, что время человеческой жизни ограничено, следовало бы доказать, что курс лекций, посвященный истории экономической мысли, внесет больший вклад в образование экономиста, чем такой же по продолжительности курс лекций, посвященный самой экономической теории. Очевидно, если мы примем кумулятивистский взгляд на экономические исследования, сделать это будет довольно трудно. Как следствие, по мнению Гордона [Ibid., p. 126], «экономическая теория... не видит необходимости для включения ее истории в профессиональную подготовку экономистов» (что не означает, что от истории экономической мысли нужно отказаться: «Мы учим историю, потому что она есть»).

Интерес к истории экономической мысли, при всем обосновании ее педагогической пользы, снижается всякий раз, когда развитие экономики сталкивается с разрывом в аналитическом инструментарии. Так, некоторые авторы объясняют снижение интереса к истории экономической мысли начиная с 1940-х годов³. Однако напомним, что уже в 1930-е годы такие экономисты, как Хикс и Робертсон, утверждали, что нет необходимости тратить время на чтение трудов экономистов-классиков⁴; их позиция объясняется не столько изменением инструментария, сколько изменением самой концепции экономической науки, переходом от классического подхода, основанного на анализе излишка (surplus), к маржиналистскому, основанному на анализе редкости (scarcity).

Один из сторонников кумулятивистского подхода, Вайнер предложил искусную, пусть и скрывающуюся под маской скромности, защиту истории экономической мысли. Вайнер указывал на «ученость» (scholarship), определенную как «стремление к широкому и точному знанию истории работы человеческого разума, скрытой в письменных источниках». Эта ученость, хотя и рассматривалась им как побочная по отношению к теоретической деятельности, способна была внести определенный вклад в обучение исследователей, являясь «приверженностью к поиску знаний и понимания»: «вкус к этому, один раз разбуженный, создает ощущение огромной важности даже самого маленького вопроса и полноты даже самого маленького ответа... ощущение, которого нельзя достичь никаким иным путем» [Viner, 1991, p. 385, 390].

По-видимому, Вайнер предполагал, что обучение исследованиям является необходимой предпосылкой для использования аналитических ин-

³ См.: [Cesarano, 1983, p. 69], который также ссылается на работы [Bronfenbrenner, 1966; Tarascio, 1971].

⁴ Письмо Робертсона Кейнсу от 3 февраля 1935 г., см.: [Keynes, 1973, vol. 13, p. 504] и письмо Хикса от 9 апреля 1937 г., см.: [Ibid., vol. 14, p. 81].

струментов⁵. Таким образом, даже если предположить, что от истории экономической мысли мало пользы при изучении современной экономической теории, она играет ключевую роль в подготовке исследователей. Однако важность этого более широкого взгляда становится более зримой за пределами строго кумулятивистского взгляда на экономические исследования, как мы увидим далее.

Сначала, однако, стоит подчеркнуть, что в данном подразделе рассматривается современный кумулятивный взгляд на историю экономических учений, который стал преобладающим в XX в. параллельно с маржиналистским подходом. Несколько другой тип кумулятивного взгляда можно обнаружить в небольших отступлениях от истории экономической мысли, сделанных такими ведущими экономистами, как Смит и Кейнс, которые использовали экскурсы в историю для того, чтобы подчеркнуть особенность собственных теорий, противопоставляя им предшествующие. Таким образом Смит в четвертой книге «Богатства народов» критикует «коммерческую или меркантилистическую систему» и «земледельческие системы» (а именно физиократов). Критика меркантилизма — умозрительного понятия, введенного с целью подвести под одну рубрику авторов, которые зачастую довольно сильно отличались друг от друга (см. ниже, подразд. 2.6) — идет рука об руку со смитовским либерализмом, который мы видим в других частях его работы; критика физиократов помогает на контрасте подчеркнуть его собственное разграничение производительных и непроизводительных работников, а также разделение общества на три класса (работников, капиталистов и землевладельцев). Аналогично Маркс противопоставлял собственный «научный социализм» «буржуазным» экономическим теориям (теориям Смита и Рикардо) и «вульгарным» теориям (теории Сэя и «экономическим гармониям» Бастиа); Кейнс ввел категорию — «классики» — куда включил всех прежних экономистов, исключавших, как и его кембриджский коллега Пигу, возможность существования постоянной безработицы, которая не может быть ликвидирована автоматически действующим механизмом конкуренции.

Конечно, мы видим здесь не примеры кумулятивистского подхода, подчеркивающего постепенное накопление экономического знания, скорее мы имеем дело с теми историческими реконструкциями, которые экономисты используют с целью демонстрации скачка, ставшего возможным в науке благодаря их теоретическому вкладу. Это не означает, что мы пытаемся отрицать обоснованность каждой такой исторической реконструкции, по-

⁵ Шумпетер [Schumpeter, 1954, p. 4; Шумпетер, 2001, т. 1, с. 5] утверждал нечто похожее, когда говорил что история экономических учений может помочь «понять, в каком направлении развивается наука и каково значение данного трактата в этом развитии» (курсив оригинала).

скольку такие экономисты, как Смит и Кейнс, действительно обозначили ключевые этапы на пути экономической науки.

1.3. Подход к науке как сфере конкуренции

В течение нескольких последних десятилетий ряд экономистов, ссылаясь на концепции «научных революций» Куна [Kuhn, 1962] и «научно-исследовательских программ» Лакатоса [Lakatos, 1970; 1978; Лакатос, 1995a; 1995b], поддерживали идею о том, что невозможно сделать выбор среди конкурирующих теоретических подходов на основе «объективного» критерия, указанного логическим позитивизмом (логической последовательности, соответствия предпосылок эмпирическим фактам).

Эти критерии до сих пор служат объектом споров. Часть их связана именно с возможностью четкого разделения аналитических и синтетических утверждений. Действительно, аналитические утверждения, если их интерпретировать как чисто логические, не имеют какого-либо отношения к реальному миру; как следствие, они бессодержательны с точки зрения интерпретации явлений, происходящих в реальном мире⁶. Синтетические утверждения, в свою очередь, обязательно включают большое количество теоретических элементов и в самом определении категорий, используемых для сбора теоретических данных, и в методах, используемых для анализа этих данных; в результате критерии принятия или отвержения каких-либо синтетических утверждений не являются четкими, поскольку эти утверждения обусловлены длинной серией теоретических гипотез, которые не могут, однако, быть предметом оценки в отдельности⁷. Именно невозможность отдельной оценки, основанной на однозначном объективном критерии, для аналитических и синтетических утверждений, создает существенные трудности для позитивистского взгляда, рассмотренного в предыдущем подразделе.

Другая серьезная критика критерия принятия или отвержения синтетических утверждений — их соответствия или несоответствия реальному миру — была представлена Поппером [Popper, 1934; Поппер, 1983]. Поппер утверждает, что не имеет значения, сколько раз синтетические утвержде-

⁶ Другими словами, они обязательно являются «нагруженными теорией». См.: [Hands, 2001, p. 103 f.]. Именно на этом основании, например, Добб разрабатывает свою критику излишне четкого разделения, предложенного Шумпетером, истории экономического анализа и истории экономической мысли, к которому мы вернемся позже (см. подразд. 5 наст. гл.).

⁷ Эта критика известна как «тезис Дюгема — Куайна» (см.: [Quine, 1951; Куайн, 2000]); согласно этому тезису, «никакая теория не тестируется в отдельности», следовательно, «любая научная теория может быть иммунизирована от опровергающих ее фактов».

ния подтверждались фактами, — нельзя исключать того, что в конечном счете возникнет ситуация, когда утверждение будет отвергнуто. Так, например, утверждение «все лебеди белые» противоречит открытию нового вида черных лебедей в Австралии. Ученый не может претендовать на то, что он может подтвердить теорию, раз и навсегда продемонстрировать истинность своей теории. Ученый может только временно принять теорию, не забывая о возможности того, что она может быть фальсифицирована, или, другими словами, что новые данные, противоречащие этой теории, продемонстрируют ее ложность. В другой своей книге Поппер [Popper, 1969; Поппер, 2004] утверждает, что лучший метод научного исследования состоит именно в разработке потенциально бесконечного ряда «предположений и опровержений». Другими словами, ученый формулирует гипотезы и затем занимается поиском опровержения, а не поиском эмпирического подтверждения — которое в любом случае не будет окончательным. Опровержения стимулируют поиск лучших гипотез, что вносит решающий вклад в развитие науки⁸.

Ряд ведущих представителей позитивистской эпистемологии поддерживают, что она неприменима в сфере социальных наук. Под влиянием таких историков и философов науки, как Кун, Лакатос и Фейерабенд, экономисты отказались от позитивистской методологии в последние десятилетия XX в. Коротко напомним их теории и вытекающий из них взгляд на науку как сферу конкуренции.

В нескольких словах, согласно Куну, наука развивается нелинейно, ее развитие может состоять из нескольких этапов, каждый из которых обладает отличительными характеристиками. На каждом этапе «нормальной науки» определенная точка зрения (парадигма), как правило, принимается как основа для научного исследования. На этой основе строится все более сложная теоретическая система, способная объяснить все большее число явлений. Однако этот процесс развития нормальной науки сопровождается также накоплением аномалий, т.е. явлений, которые либо не могут быть объяснены, либо требуют для своего объяснения включения дополнительных предположений *ad hoc*. Данный процесс ведет к возникновению определенного дискомфорта, который благоприятствует «научной революции», а именно — возникновению новой парадигмы. Это знаменует начало нового этапа нормальной науки, в рамках которой исследования не подвергают сомнениям парадигму, лежащую в их основе.

Здесь необходимо подчеркнуть, что Кун не рассматривает преемственность разных парадигм как логическую последовательность, характеризующуюся растущим объемом знаний. Разные парадигмы не рассматрива-

⁸ Обсуждения по поводу использования идей Поппера в области экономической теории см.: [De Marchi, 1988].

ются как соизмеримые друг с другом; каждая из них содержит свой ключ для интерпретации реальности, обязательно основанный на определенном наборе упрощающих предположений, многие из которых остаются неявными. Никакая парадигма не может охватить весь мир во всех его деталях. Строго говоря, некорректно одновременно утверждать то, что Земля вертится вокруг Солнца, и Солнце вертится вокруг Земли: каждая из этих двух гипотез предполагает выбор фиксированной точки в качестве опоры для изучения вселенной, или, точнее, части вселенной, которая находится в непрерывном движении по отношению к любой другой фиксированной точке. Другими словами, поскольку и Земля и Солнце движутся в космосе, подходы Коперника и Птолемея являются альтернативными, объясняющими в более или менее простых терминах большее или меньшее число явлений⁹. В этой связи можно также напомнить, что гелиоцентрический взгляд был предложен Аристархом Самосским уже в III в. до н.э., примерно за пять столетий до Птолемея: таким образом, парадигмы не обязательно следуют друг за другом в линейной последовательности, они могут вновь появляться и становиться преобладающими после довольно долгого периода упадка.

Кун представляет свою идею научной революции как описание реального пути, которому следуют различные науки, а не нормативную модель поведения ученых. Напротив, Лакатосом принимается нормативный подход [Lakatos, 1978; Лакатос, 1995б].

«Методология научно-исследовательских программ» Лакатоса состоит из набора правил работы и над критикой, и над построением теории (отрицательной и положительной эвристикой), создаваемой вокруг «ядра» гипотез, касающихся определенного набора проблем и используемых в качестве основы для создания теоретической системы. Ядро остается неизменным, даже если возникают какие-то ненормальные явления, благодаря «защитному поясу» из вспомогательных гипотез, от ядра отказываются только в

⁹ Среди предшественников Куна в этом направлении можно вспомнить Адама Смита и его «History of Astronomy» («Историю астрономии», 1795). Связующим звеном между Куном и Смитом можно считать Шумпетера, который выделяет «Историю астрономии» как «жемчужину» среди сочинений Смита [Шумпетер, 2001, т. 1, с. 233], и далее рассматривает тот же исторический случай, который позднее был изучен Куном: «так называемая система Птолемея в астрономии не была просто “ошибочной”. Она удовлетворительно объясняла огромную массу наблюдений. По мере накопления наблюдений, которые на первый взгляд не согласовывались с этой системой, астрономы изобретали дополнительные гипотезы, которые подгоняли под нее упрямые факты» [Там же, с. 417 сн.]. Кун, подобно большинству ведущих участников эпистемологической дискуссии, первоначально развивал свои идеи как интерпретацию истории естественных наук, в частности астрономии и физики, а не как методологический рецепт для социальных наук. Тем не менее по крайней мере некоторые из его идей можно легко использовать в области экономической теории. Попытки продвижения в этом направлении см.: [Latsis, 1976].

случае, если научно-исследовательская программа, основанная на нем, признается «регрессивной», или, другими словами, когда становится очевидно, что использование этой программы является, скорее всего, пустой тратой времени и усилий. Принятие или отвержение научно-исследовательской программы, таким образом, рассматривается Лакатосом как комплексный процесс, а не результат суждения, основанного на результатах одного решающего эксперимента, или даже результатах применения четко определенных, однозначных, объективных критериев.

Проинтерпретированная таким образом позиция Лакатоса не сильно отличается от предложенного Фейерабендом [Feysrabend, 1975; Фейерабенд, 2007] «методологического анархизма» — хотя по общему признанию считается менее радикальной. Фейерабенд подчеркивает необходимость максимальной открытости по отношению к самым разным исследовательским подходам; в то же время он далек от безоговорочного принятия своего собственного правила «anything goes»: «Пригодно все, что способствует успеху». Критика существования абсолютных критериев истины (или, лучше сказать, принятия и отвержения теорий) может сосуществовать с идеей целесообразности рациональных споров между разными, даже противоположными, взглядами. Очевидно, когда обсуждаются разные точки зрения, сторонники каждой из них должны быть готовы отказаться от претензий на то, чтобы их собственный критерий суждения считался абсолютным. Наоборот, временное принятие точки зрения соперника с целью критики этой точки зрения изнутри может сделать полемическую позицию более сильной. Мы, таким образом, сталкиваемся с процедурой обсуждения, аналогичной той, которой следуют при судебном разбирательстве, где прокурор и защита вносят абсолютно различные аргументы в поддержку своих позиций.

Взгляды Фейерабенда были внесены в область экономической науки Маккლოსки [McCloskey, 1985; 1994], хотя и с некоторыми изменениями. Маккლოსки говорит о «риторическом методе научного спора», который отрицает четкие, одномерные критерии для оценки теорий, и, напротив, подчеркивает роль их относительной убедительной силы¹⁰. Это не отрицает важности теоретических споров: отнюдь нет, основная идея этой методологии состоит в необходимости толерантности в условиях существования различных взглядов на мир и, следовательно, различных теоретических подходов. Мы можем также напомнить, что интерпретированный таким

¹⁰ В области естественных наук хорошо проведенные эксперименты, как правило, являются решающим доказательством превосходства одной теории над другими. В области социальных наук, однако проводить эксперименты в контролируемых условиях (т.е. при прочих равных условиях) практически невозможно. Отсюда возникает сложность для сравнения различных теорий.

образом риторический подход в экономике может быть прослежен в прошлом до Адама Смита¹¹.

Идеи Куна и Лакатоса привлекли экономистов возможностью существования альтернативных подходов, которые выводятся или из последовательности различных парадигм, или из сосуществования различных научно-исследовательских программ¹². Очевидно, что идеи Фейерабенда ведут в том же направлении.

Именно здесь вступает в игру история экономической мысли. Те ученые, которые разделяют «конкурентный» подход к развитию экономической мысли и принимают участие в дискуссии между конкурирующими подходами, стремятся изучить историю этой дискуссии с целью найти сильные и слабые стороны каждого подхода, объясняющие их взлеты и падения.

В частности, использование истории экономической мысли может оказаться очень полезным для ученых, поддерживающих подход, который конкурирует с доминирующим¹³. Во-первых, анализ трудов экономистов прошлого часто помогает прояснить основные особенности рассматриваемого подхода, а также различия между ним и доминирующим подходом¹⁴.

Во-вторых, история экономической мысли помогает оценить основанные на разных подходах теории, определяя мировоззрения, содержание концепций и гипотезы, на которых они основаны. Это зачастую позволяет восстановить предостережения и оговорки, изначально сопровождавшие анализ, но впоследствии забытые¹⁵.

В-третьих, выявление культурных корней иногда служит тактической цели, позволяя противостоять инерции, которая создает довольно сильное преимущество для доминирующего подхода. Очевидно, что обращение к авторитету не является хорошим научным аргументом; это также верно и

¹¹ Речь идет не только о «Lectures on rhetoric and belles letters» («Лекциях по риторике и изящной словесности») [Smith, 1983], но также о «Glasgow lectures» (другое название — «Lectures on jurisprudence» — «Лекции по юриспруденции», [Smith, 1978]. По этому поводу см.: [Giuliani, 1997].

¹² См., например, собрания эссе: [De Marchi, Blaug, 1991]. А также предостережение Стидмана [Steedman, 1991], который отмечает, что программы Лакатоса относятся к конкретным проблемам, а не к широким взглядам на мир.

¹³ См.: [Dobb, 1973; Meek, 1977; Bharadwaj, 1989] как примеры такого интереса ученых на волне сраффианского возрождения классического подхода.

¹⁴ Известный пример — издание Сраффой собрания сочинений Рикардо «Works and correspondence (1951–1955)».

¹⁵ Один из примеров — предположение о расчистке рынков. Оно предполагает существование рынков, работающих довольно специфическим образом: как старые континентальные товарные биржи или англосаксонские фондовые биржи, работавшие по принципу «продолжающегося аукциона» (continuous auction). Крегель [Kregel, 1992] рассматривает континентальные биржи в связи с теорией общего равновесия Вальраса, а англосаксонские — в связи с теорией Маршалла (см. далее гл. 12 и 13).

в отношении правила большинства, обоснования интеллектуальной лени, слишком часто повторяемого, например, при защите однотооварных моделей в теориях занятости и роста, или U-образных кривых в теориях фирмы.

Будет полезным подчеркнуть здесь, что «конкурентный» не подразумевает ни равенства конкурирующих позиций, ни отсутствия научного прогресса¹⁶. Оно лишь признает сосуществование различных подходов, базирующихся на различных концептуальных основаниях. Каждый исследователь обычно выбирает ту линию исследования, которую он считает наиболее перспективной¹⁷. Такой выбор, однако, является чрезвычайно сложным из-за несоразмерности некоторых концептуальных систем. В частности, требование мейнстрима ввести критерии оценки, вытекающие из его собственных взглядов, должно быть отклонено.

Что в действительности отвергает «конкурентный» подход, так это идею о линейности научного прогресса. Он подразумевает возможность прогресса как в рамках каждого подхода в отдельности (где это действительно является общим правилом, в силу тенденции к росту внутренней согласованности и к большей объяснительной силе), так и в рамках исторической последовательности исследовательских парадигм и программ. В последнем случае, однако, идея прогресса является более неопределенной, и поэтому в ее применении следует соблюдать большую осторожность. Неоспоримым элементом прогресса является увеличение числа более сложных аналитических инструментов, которые становятся доступными благодаря разработкам в других отраслях исследований (новые математические инструменты, лучший и более объемный статистический материал, большая вычислительная сила новых компьютеров). Однако исследовательские парадигмы и программы обычно существенно различаются между собой своими мировоззренческими основаниями. Некоторым аспектам реальности (включая причинно-следственные связи) придается большее значение, некоторым — меньшее, так что возникают различия (явные или неявные)¹⁸ в наборе предположений, на которых строятся теории, а следовательно,

¹⁶ Это мнение — неприятие любой идеи научного прогресса — иногда приписывается «анархистской теории познания» Фейерабенда, а в области экономической науки — «риторике» Макклоски [McCloskey, 1985]. Однако такое утверждение не обязательно следует из их основных положений: отказа от четких и однозначных критериев для оценки различных теорий и исследовательских программ и предложения открытого — и ответственного — «разговора» между исследователями, придерживающимися разных направлений.

¹⁷ Это так, если исключить случаи оппортунистического, ориентированного на развитие карьеры, выбора, который иногда объясняет приверженность к мейнстриму.

¹⁸ Предположения обязательно остаются хотя бы частично неявными: невозможно в процессе построения теории абстрагироваться от полного списка элементов реальности (т.е. элементов, которые не учитываются в теории, поскольку принимаются неважными для исследуемого аспекта). В этом смысле аксиоматические модели основаны на ограниченном

и в области применения теорий. Аналитические переменные или понятия (например, рынок, конкуренция, естественная цена, прибыль, рента), хоть и называются одинаково, приобретают существенно различные значения при использовании в разных теориях. Именно здесь — в анализе концептуальных основ различных теорий, изменений в значении понятий, используемых в различных теоретических рамках, — мы приходим к пониманию важности анализа понятий в исследовательской работе. Как мы покажем в следующем подразделе, это, в свою очередь, подразумевает важную роль истории экономической мысли в деятельности экономистов-теоретиков.

1.4. Стадии экономического теоретизирования: концептуализация и построение моделей

Среди тех, кто подчеркивает важность анализа концептуальных основ в рамках научно-исследовательской работы, мы находим одного из самых известных и, на самом деле, одного из самых осторожных представителей кумулятивистского взгляда. Шумпетер [2001, т. 1, с. 49–50] разделяет экономическое исследование на три этапа. На первом этапе мы сталкиваемся с «преданалитическим актом познания», или «видением». Этот этап состоит в определении проблемы, которая будет рассматриваться, и в выдвижении некоторых рабочих гипотез, с которых начнется исследование. Цель здесь состоит если не в предварительном решении, то, по крайней мере, в определении того, как проблему стоит решать. Второй этап «состоит в том, чтобы облечь наше видение в слова или концептуализировать его таким образом, чтобы его элементы, обозначенные определенными терминами (что облегчит работу с ними), заняли свои места, в более или менее упорядоченной схеме или картине». Этому этапу, который мы можем назвать этапом концептуализации, Шумпетер придает большое значение. Абстрактная система понятий, полученная таким образом, изолирует элементы реальности, которые, как предполагается, непосредственно связаны с рассматриваемым вопросом. Последний третий этап связан с построением «научных моделей». Напомним, что логическая последовательность различных стадий не обязательно соответствует их реальной последовательности в научно-исследовательской деятельности экономиста.

Как мы видели в предыдущем подразделе, споры между конкурирующими подходами касаются в первую очередь выбора концептуальной

количестве явных предположений, но — этот факт слишком часто упускается из виду — они принципиально подразумевают огромное, потенциально бесконечное число неявных упрощающих предположений, что важно учитывать, делая попытку связать их с экономической реальностью, которую они должны интерпретировать.

системы, которая будет использоваться в представлении экономической реальности. История экономической мысли играет в этом отношении решающую роль. Так как невозможно исчерпывающим образом определить содержание понятия¹⁹, лучший способ проанализировать его состоит в изучении его эволюции во времени, исследуя различные оттенки смысла, которые оно приобретает у разных авторов, а в некоторых случаях и в разных сочинениях одного автора. На самом деле это обычный опыт всех исследований в области гуманитарных наук, от философии до политической науки.

Кроме того, используя историю экономической мысли для анализа понятия (и концептуальной системы), мы можем исследовать два аспекта, которые имеют решающее значение для любой линии исследования в экономике: во-первых, можно ли — и если да, то насколько необходимо — приспособить содержание понятий к непрерывным изменениям в действительности, которые следует объяснить; во-вторых, как работает механизм взаимодействия между стадией концептуализации и стадией построения модели.

Первый вопрос — взаимодействие между экономической историей и экономической теорией — это хорошо известная проблема. Второй вопрос редко рассматривается, но имеет критическое значение. В действительности трудности, которые возникают на стадии построения модели, и аналитические решения этих трудностей часто подразумевают изменения концептуальных основ теории²⁰; в других случаях такие модификации отражают эволюцию реального мира²¹.

Система концепций, лежащих в основе любой теории, таким образом, постоянно изменяется, что делает невозможным оценивать теории по одномерной шкале. Как следствие, невозможно однозначно измерить объяс-

¹⁹ Джорджеску-Реген [Georgescu-Roegen, 1988, p. 300] в этом контексте говорит о «полутени» («penumbra»), что окружает «диалектические концепции, отличительная характеристика которых состоит в том, что они частично перекрываются противоположными понятиями». В этом отношении релевантна критика Сраффой аналитического позитивизма Витгенштейна в его «Логико-философском трактате» (об этом см. подразд. 16.5 наст. изд.).

²⁰ Примером может служить изменение эвристической силы теорий общего равновесия, когда мы переходим от первоначальной формулировки Вальраса к аксиоматическому построению Эрроу и Дебрё (см. ниже гл. 12). Этот пример показывает, помимо прочего, что необходимость анализа концептуальных основ теорий и их изменений с течением времени не ограничивается рамками эволюционного подхода к экономике, который фокусируется на институциональных изменениях и «эффектах колеи», хотя очевидно, что взаимодействие между теорией и историей сильнее проявляется именно в нем.

²¹ Пример (продемонстрированный в [Roncaglia, 1988]) состоит в эволюции классификации экономической деятельности по отраслям от Петти до Смита, через Кантильона и Кенэ.

нящую силу различных теорий. Теоретические достижения могут быть прогрессивными в определенных аспектах, но не во всех. Самое главное, что шаги вперед, которые постоянно происходят в направлении большей логической последовательности, и рост использования более продвинутых аналитических методов не обязательно подразумевает более высокую объяснительную силу: они могут привести к дополнительным ограничениям, накладываемым на смысл некоторых рассматриваемых переменных, и к исключению наиболее важных аспектов реальности из области применения теории²². Когда мы сталкиваемся с этой проблемой, история экономической мысли, концентрирующая внимание на сдвигах в значении понятий, используемых в теории, может помочь в оценке многогранного пути, пройденного экономическими исследованиями.

1.5. Политическая экономия и история экономической мысли

Политическая экономия (или экономическая наука) является исследованием общества, обладающим двумя основными характеристиками. Во-первых, это научное исследование, которое подчиняется определенным методологическим правилам (не обязательно неизменным и однозначным). Во-вторых, оно рассматривает общество в конкретном, но фундаментальном, аспекте: механизмы выживания и развития общества, основанного на разделении труда. В таком обществе каждый работник занят конкретным видом деятельности, вовлечен в производство определенного товара и должен получить от других экономических агентов в обмен на этот товар (или его части) блага, которые нужны ему в качестве средств производства и существования. Механизмы взаимодействия включают институты, привычки, нормы, знания и предпочтения, которые формируют ограничения и правила поведения. Экономисты исследуют результаты, как для индивидов, так и для групп, вытекающие из конкретных наборов ограничений и правил поведения.

Как исследование общества, политическая экономия является социальной наукой с важнейшим историческим измерением. Как наука, она предполагает приверженность методологическим критериям, преобладающим в среде экономистов (которая, в свою очередь, помимо прочего определяет также критерии профессионального отбора); экономисты, таким образом,

²² Например, как мы увидим далее в главе 10, маржиналистская теория потребительского равновесия, безусловно, представляет собой шаг вперед и с точки зрения логической последовательности, и с точки зрения использования более сложных методов анализа, однако это сопровождается сужением экономического агента до чувствующей машины.

могут принять методологические правила, полученные из естественных наук, что, несомненно, и происходит на современном этапе. Следовательно, мы сталкиваемся с неразрешимым противоречием, вызываемым, с одной стороны, отходом политической экономии от научных правил логической последовательности и, с другой — пренебрежением к ее характеристикам как социальной науки.

История экономической мысли²³ играет центральную роль в положительном разрешении вышеупомянутого противоречия. С одной стороны, она выдвигает на первый план историческое измерение экономических вопросов. С другой стороны, она отводит центральную роль критерию логической точности, наряду с критерием эмпирической релевантности, при выборе и оценке теории, которой стоит уделить внимание, и в определении общей линии развития.

Таким образом, возникает довольно ясный ответ на вопрос, с которого мы начали. История экономической мысли полезна не только и не просто на дидактическом уровне, не только для того, чтобы предоставить «направление движения» для экономических исследований или материал для эпистемологов. Она является важным компонентом не только теоретической дискуссии между конкурирующими подходами, поскольку она позволяет прояснить различия и изменения в их представлениях о мире, но также и теоретической работы внутри каждого из подходов, поскольку способствует разработке концептуальных основ и прояснению изменений, происходящих в них в ответ на теоретические трудности и изменения действительности.

История мысли, таким образом, также способствует обучению демократии в смысле, указанном Кулой [Kula, 1958] в его убедительных соображениях о роли истории, приведенных в начале этой главы. В отличие от научного абсолютизма, широко распространенного в доминирующем направлении экономического образования, история мысли предполагает обучение при обмене идеями, которому она также способствует благодаря попыткам понять идеи других. Восприимчивость, культивируемая ею, благоприятствует пониманию сложности мировоззрений, лежащих в основе различных теорий и обуславливающих их возможности и пределы, а также связям, которые существуют с другими областями человеческого знания и действия.

²³ Или история экономического анализа: различие между двумя понятиями кажется несколько произвольным, когда мы рассматриваем этап концептуализации в качестве неотъемлемой части теоретической работы. Сам Шумпетер, после введения четкого разделения между историей экономической мысли и историей анализа, не демонстрирует в своей книге [Шумпетер, 2001] строгого соблюдения этой границы. Его заявление о принципиальности такого разделения, возможно, следует интерпретировать скорее как оправдание для многих упрощений, неизбежных даже для такого эрудированного ученого.

1.6. Какая из историй экономической мысли?

Очевидно, что роль, приписываемая выше истории экономической мысли, влияет и на путь, которым следует эту дисциплину изучать и преподавать. Здесь мы ограничимся лишь некоторыми краткими замечаниями.

Во-первых, история экономической мысли, как обсуждалось выше, более относится к широкой области экономической науки, чем к истории культуры или идей.

Во-вторых, существует принципиальная разница между историками экономической мысли, принимающими кумулятивистский подход, и теми, кто поддерживает подход к науке как сфере конкуренции. Первые видят развитие экономической науки как постепенное нарастание внутренней согласованности и увеличение области применимости теории; они, таким образом, склонны сосредоточивать внимание на том, как каждый автор решал проблемы, которые предыдущими авторами были оставлены без ответа. Часто это приводит к реконструкции истории экономической мысли, в которой ссылки на исторический контекст становятся в значительной мере ничего не значащими и которая, кроме того, игнорирует связи между экономической, философской и политико-социальной мыслью — связи, которые считались очень важными до того, как интеллектуальное разделение труда привело к кристаллизации ученых в маленькие академические резервации²⁴.

Противоположный риск — риск представления превратностей истории экономической мысли как результата исключительно эволюции производственной и социальной базы — чрезвычайно редок. Более распространенная опасность состоит в «истории, основанной на рассказывании историй», когда внимание фокусируется просто на мнениях некоторых авторов, и игнорируются рассуждения, которые привели к этим мнениям или были призваны их обосновать. В результате отбрасываются задачи исторической реконструкции сходств, различий и логических связей между различными теориями.

Чтобы избежать этих рисков, мы должны осознавать существование двусторонней связи между исторической эволюцией и теоретическим исследованием. С одной стороны, материальный мир оказывает важное влияние на работу любого ученого в области социальных наук, даже если и не определяет однозначно пути теоретического исследования. С другой стороны, теоретические дебаты могут иногда оказывать решающее влияние как на выбор экономической политики, так и — более опосредованно — на

²⁴ Уинч [Winch, 1962] развивает этот вид критики против основного направления в историографии.

убеждения и мнения, а следовательно, и на поведение экономических агентов, хотя это влияние ограничено и обусловлено материальным миром.

История экономической мысли играет важную роль в выявлении этих двусторонних связей. Это значит, что имеют место как исторические исследования, «внутренние» по отношению к процессу развития экономической теории, так и «внешне-ориентированные» исследования, связывающие работы экономистов с развитием других социальных наук и историческим процессом. Неизбежно то, что внутренние и внешне-ориентированные исследования часто проводятся раздельно; важнее, чтобы каждый исследователь, какой бы вопрос он ни рассматривал, следил за развитием более широкой области исторических исследований, охватывающей различные специализации²⁵.

Другая проблема, особенно серьезная для сторонников подхода к науке как сфере конкуренции, это риск более или менее исключительной концентрации внимания на тех аспектах экономического анализа (например, на теории ценности), которые больше помогают при определении базовых характеристик различных подходов, но часто скрывают общие взгляды отдельных авторов на процесс экономического развития. Сам смысл термина «ценность» меняется от одного теоретического подхода к другому, и с течением времени внутри каждого из них. В любом случае это термин, который

²⁵ Различие между внутренними и внешне-ориентированными исследованиями аналогично введенным Рорти [Rorty, 1984] понятиям «рациональные реконструкции» и «исторические реконструкции». Разделяя эти понятия, Рорти считает их взаимодополняющими. Страсть эпистемологов к аккуратным методологическим категориям, которые, безусловно, полезны при оценке того, чем исследователь занимается, не должна вести нас к скрупулезному разделению интеллектуального труда, особенно когда аспекты, связанные с разными процедурами анализа, настолько очевидно взаимосвязаны, как это имеет место в нашей области. Даже в работе, считающейся лучшей рациональной реконструкцией в истории экономических учений, Блауг [Blaug, 1962; Блауг, 1994] отмечает, что нужно сохранять осторожность в отношении этой дихотомии; таким образом, после заявления своей позиции на первой странице книги («Критика предполагает наличие критериев оценки, и мои критерии — это мерки современной экономической теории» [Блауг, 1994, с. 1]) и обеспечения четкого определения двух понятий (««Исторические реконструкции» пытаются изложить идеи мыслителей прошлого так, что сами эти мыслители, или их последователи, узнали бы в этом изложении верное описание того, что они намеревались сделать. “Рациональные реконструкции”, с другой стороны, обращаются к мыслителям прошлого так, как если бы они были современниками, с которыми мы обмениваемся мнениями; мы анализируем их теории в наших терминах» [Там же, с. 7]) (в тексте 4-го издания Блауга эти подходы названы релятивистским и абсолютистским. — *Примеч. науч. ред.*) Блауг не только добавляет, что «как историческая, так и рациональная реконструкции являются абсолютно законными способами написания истории экономической мысли», но также и следующее: «то, что по существу различается, почти невозможно разделить на практике» [Там же, с. 8]. Отметим в связи с этим, что ссылка на «стандарты современной экономической теории» подразумевает однозначное, общепризнанное определение современной экономической теории, но, как мы увидим в главе 17, его не существует.

обозначает центральное ядро экономических отношений с точки зрения определенной системы абстракций.

Рассмотрим, например, конкретный смысл понятия «ценность» в классическом и сраффианском подходах, которое в дальнейшем будет проиллюстрировано более подробно. «Ценность» не означает меру важности товара для человека (что подразумевается под «ценностью» в маржиналистском подходе, где она связана с редкостью и полезностью); не относится к «естественному нравственному закону» (как в средневековой дискуссии о справедливой цене); и не является характеристикой оптимальности (как результат максимизации некоторой целевой функции при заданном ограничении). Ценность товаров отражает отношения, связывающие разные сектора и социальные классы в экономике; кроме того, содержание термина предполагает неявную ссылку на конкретный способ производства, а именно капитализм. На самом деле анализ, разработанный классиками и Сраффой, отсылает к определенному набору гипотез («закон единой цены»; деление на общественные классы рабочих, капиталистов и землевладельцев; единая норма прибыли), которые отражают основные характеристики капиталистической экономики.

Очевидно, что «отношение между ценами и распределением приданной технологии относится к тому, что может быть названо “скелетом” экономической системы. Исторически эта проблема была в центре изучения экономической теории, и логически она формирует “ядро” для развития других аспектов анализа, даже если некоторые из теорий разрабатывались без каких-либо прямых ссылок на нее» [Roncaglia, 1975, p. 127–128]. Однако также верно и то, что возможность построить отдельные теории для анализа разных вопросов и особенно важность этапа формирования системы концепций в экономической науке требуют, чтобы история экономической мысли не ограничивалась описанием последовательности теорий ценности.

В определенном смысле теория ценности, принимаемая экономистом, прямо указывает на его представление о мире. Используя споры между конкурирующими теориями как связующую нить и наблюдая за сдвигами, которым теория ценности (ошибочно принимаемая в некоторых реконструкциях за незыблемый монолит) подвергается в рамках каждого подхода, мы можем также понять различия и изменения в концептуальном представлении общества. В то же время с другой стороны континуума, образующего поле деятельности экономиста, мы можем наблюдать, как вокруг теории ценности и в строгом соединении с ней конкретные теории разрабатываются для интерпретации конкретных — но не обязательно менее значимых — аспектов экономической реальности: от теорий занятости и денег до теорий международных отношений.

Попробуем проиллюстрировать на примере разницу в значениях двух выражений, «центральная роль в нашей исторической реконструкции»

и «решающее значение в рамках нашего мировоззрения». Трудовая теория ценности играет центральную роль в аналитической реконструкции «Принципов» Рикардо, но с точки зрения выработки политики он был прежде всего заинтересован в проблеме экономического роста и его взаимосвязи с распределением доходов между основными социальными классами. Другим примером является связь между теорией конкурентного равновесия Вальраса и либеральной идеологией. Другими словами, есть некоторый предел независимости между системой концепций (представлением о функционировании экономики) и теорией ценности, и также между последней и конкретными теориями, касающимися тех явлений, которые с точки зрения политики составляют центральные проблемы для экономиста.

Обращение к истории, и в частности к экономической истории, может быть полезным в данном контексте, помогая объяснить изменения в основных политических интересах, преобладающих в разные периоды времени, и сдвиги в процессе абстрагирования внутри каждой школы, а также оценить разные системы абстракций. В этом отношении, возможно, также полезным будет вспомнить, что разные системы понятий (которые являются результатами конкретных процессов абстрагирования, и которые используются для упрощенного представления реального мира) не могут быть проверены ни через сопоставления с реальным миром, ни выяснением того, исполняются ли прогнозы, полученные из этой системы.

«Есть многое в природе, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам»²⁶: история экономической мысли, со своими собственными методами исследования, помогает экономистам не забывать наблюдения Гамлета. Не в последнюю очередь по этой причине каждому экономисту следует практиковаться в этой области знания.

²⁶ Шекспир В. Гамлет / в пер. М.П. Вронченко. СПб.: Типография медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1828. — *Примеч. пер.*

2. Предыстория политической экономики

2.1. Почему «предыстория»?

Рождение политической экономики не имеет точной даты. Следует говорить о сложном процессе, растянувшемся на века. Для его рассмотрения мы должны перенестись как минимум в Грецию периода классической Античности и затем двигаться к XVI–XVII вв., когда произошла кульминация в долгом процессе становления нашей дисциплины.

Политическая экономия получила признание (и лишь очень постепенно) как область исследования, автономная по отношению к другим общественным дисциплинам начиная с XVII в.¹ И только в XIX в., с появлением первых экономических кафедр в университетах экономисты обрели статус представителей особой профессии².

Безусловно, вопросы, традиционно относимые теперь к области экономической науки, уже выдвигались и во времена классической Античности,

¹ В это время начал использоваться сам термин «политическая экономия». Первым, кто использовал его в качестве заглавия книги («Трактат политической экономики» — «Traité de l'économie politique», 1615) стал француз Антуан де Монкретьен (ок. 1575–1621). Традиционно он считается меркантилистом второго ряда, достойным упоминания исключительно из-за этого заглавия. Однако в книге в действительности было предложено несколько интересных идей, пусть и укорененных в далекое от систематичности обсуждение экономической ситуации того периода: например, критика утверждения Аристотеля о независимости политики от других сторон общественной жизни, подкрепленная тезисом о том, что труд выступает источником богатства, которое, в свою очередь, выступает основой стабильности общества. Мы вернемся к этим вопросам позднее.

² Для исторической точности следует отметить, что первая кафедра политической экономики появилась в Неаполе в 1754 г. и занял ее Антонио Дженовези, затем — кафедра в Милане (1769), которую занял Чезаре Беккариа. В других странах (Франции, Англии) процесс оказался более медленным. О борьбе Альфреда Маршалла за появление отдельной степени по экономике в Кембридже и профессионализацию экономической науки на рубеже XIX–XX вв. см.: [Groenewegen, 1995; Maloney, 1985], а также кратко упоминается ниже (подразд. 13.4).

и в Средние века. Такие авторы, например, как Диодор Сицилийский, Ксенофонт, Платон рассматривали экономические аспекты разделения труда, подчеркивая, помимо прочего, что оно способствует повышению качества продуктов.

В целом, однако, в течение длительного периода — как минимум вплоть до XVII в. — подход к экономическим вопросам существенно отличался от современного. Действительно, сам механизм, регулирующий производство и распределение дохода, с тех пор претерпел радикальную трансформацию. Не вдаваясь в этот предмет детально, достаточно лишь упомянуть, насколько значительной была роль неприкрытого насилия, власти и традиций в экономике классической Античности, основанной на рабском труде, или в средневековой экономике, основанной на труде крепостных, по сравнению с экономикой, основанной на рыночном обмене. Более того, с учетом относительно примитивных технологий того времени, человеческая жизнь была подчинена воздействию природных феноменов (таких как стихийные бедствия или эпидемии), а также войн и произвола политической власти. В таких условиях обычная нормальная жизнь была предметом мечтаний, а стремление к ней связывалось со следованием предписываемым обычаями правилам поведения. Если добавить к этому религиозные и прочие предрассудки, можно понять, почему повторяющиеся день за днем, год за годом циклы работы и жизни выглядели предпочтительнее инноваций и перемен. Легко понять и то, почему античные философы или средневековые теологи видели свою задачу не столько в описании и интерпретации того, как функционирует экономика, сколько в предписании морально приемлемого поведения в сфере экономических отношений.

Становление политической экономии было результатом объединения двух вопросов. С одной стороны, морального: каким правилам поведения должны следовать люди — в особенности купцы и суверены — в сфере экономической деятельности. С другой стороны, научного: как общество, основанное на разделении труда (в котором каждый индивид или их группа производит особый товар или группу товаров и нуждается в продуктах других в качестве средств существования и средств производства), может поддерживать процесс производства.

Очевидно, эти вопросы взаимосвязаны. Так, если мы ищем объективных оснований для моральной оценки человеческого поведения в экономической сфере, ответ на моральный вопрос зависит от ответа на научный. Эта зависимость усиливается идеей (доминирующей в аристотелевской традиции) о том, что «хорошим» является то, что «соответствует природе». Отсюда и следовало влияние последнего вопроса на первый, отраженное в представлении (широко распространенном среди экономистов классической школы первой половины XIX в.) о том, что задача экономистов состоит в отыскании «естественных законов», управляющих экономикой.

Связь между этикой и экономической наукой определяется тем, как понимается моральный вопрос в тот или иной исторический период. В рассматриваемый период преобладал «деонтологический» подход к этике, в рамках которого моральные суждения выводились из абсолютных, не зависящих от обстоятельств, критериев: «убивать — плохо», «помогать страждущим — хорошо». Позднее, с переходом к преобладанию утилитаристской этики, моральные суждения стали в большей степени основываться на фактических последствиях каждого данного действия в специфических обстоятельствах места и времени. Такая этика стала обязательной предпосылкой понимания того, как работает общество. Однако данная последовательность — выражающая так называемый «консеквенциальный» подход к этике — стала признаваться лишь в XVIII в., особенно в связи с влиянием Бентама (см. подразд. 6.7 наст. изд.).

Но на протяжении длительного периода авторы, пишущие на экономические темы, не проводили строгого разграничения между двумя вопросами, что демонстрируют и проблемы, связанные с определением понятия «естественного права». То, что вытекающие отсюда двусмысленности проявились в работах даже таких крупнейших представителей классической школы, как Адам Смит и Давид Рикардо, является любопытной иллюстрацией живучести прежних концепций даже перед лицом радикальных изменений в мировоззрении.

Таким образом, политическая экономия зарождалась как моральная наука и как наука об обществе. На том этапе, однако, разделение между различными аспектами, которые теперь включаются в область исследования экономической теории, было более четким, чем разделение между экономикой и другими общественными науками. Так, например, границы между изучением политических и экономических институтов были чрезвычайно размыты — гораздо большей была дистанция, разделяющая изучение институтов от рассмотрения поведения достойного «отца семейства» (*pater familias*) в области потребительских трат и контроля над семейным бюджетом: обсуждение экономических задач «отца семейства» нередко включало и размышления о воспитании детей.

Важным фактором в усиливающемся разделении двух областей исследований, как мы увидим в следующей главе, оказалась новая перспектива исследований, связанная с открытиями в области естественных наук — от кругов кровообращения Гарвея в 1616 г. до перехода от описательной химии к химии количественных связей, осуществленного Лавуазье (1743–1794). Эти научные прорывы способствовали постепенному признанию того, что научные проблемы в понимании естественного мира можно рассматривать в отрыве от моральных вопросов и с опорой на методы анализа, отличные от тех, которые применялись в отношении последних. Еще ранее Никколо Макиавелли (1469–1527) сделал шаг в этом же направлении своим разделе-

нием политической науки и моральной философии: анализа поведения, которому правители с необходимостью следуют в своем стремлении к власти, и моральных оценок такого поведения.

Значимость рассмотрения этапа становления политической экономии для наших целей заключается в том, что он оставил в наследство для последующих исканий набор идей и концепций (их значение и определение часто менялись и не были четкими). Это мы уже видели на примере понятия естественного права и еще обратим внимание далее в связи с понятием рынка.

Но приблизительно в XVII в. подход к изучению экономической проблематики изменяется. Чтобы понять его, следует обратиться к рассмотрению радикальных перемен в организации экономической и социальной жизни. В частности, необходимо обратить внимание на роль обмена³.

Рынок, понимаемый как обмен товаров на деньги, уже существовал и в Афинах времен Перикла, и в Риме времен Цезаря. Однако этот обмен охватывал тогда относительно небольшую долю совокупного общественного продукта. Кроме того, условия обмена характеризовались чрезвычайной нерегулярностью, связанной с воздействиями погодных условий на урожайность, с трудностями в транспортировке и, более всего, со всеобщей неопределенностью в отношении прав собственности. Последняя проистекала не только из преступности, но и, преимущественно, из произвольных воздействий со стороны властей, склонных к резким и часто непредсказуемым действиям в области перераспределения.

Что касается небольшой доли продукции, включенной в обмен, можно указать, например, что в феодальной экономике в рыночный обмен включались в основном излишки, т.е. та часть продуктов, которая не была необходимой ни как средства производства, ни как средства существования и продолжения производственной деятельности. Наряду с этим функционировала и имевшая длительную историю сеть обменов товарами роскоши — специями, тканями, драгоценными металлами, — связывающая зачастую очень отдаленные географические области, а также финансовая сеть, основанная преимущественно на векселях и постепенно охватывающая важнейшие торговые центры⁴. На этой стадии — стадии самодостаточного производства, т.е. производства, направленного на удовлетворение потребностей самих производителей, — основными экономическими единицами

³ Здесь также можно указать на изменение в отношении к механическим умениям — от презрения к специализированному практическому знанию к признанию его значения — как на важный элемент культурного контекста. Оно происходило приблизительно между 1400 и 1700 гг. и прекрасно описано у Росси [Rossi, 1962].

⁴ О модели феодальной экономики, основанной на этих предпосылках, см.: [Kula, 1962].

являлись небольшие сельские общности. В них некоторая степень развития производственной специализации и денежных платежей соседствовала с натуральным обменом.

Самодостаточное производство стало уступать место производству на рынок только тогда, когда частная собственность начала распространяться и на землю и появилось ремесленное мануфактурное производство. Складывалась другая система общественных отношений и другая производственная структура. В этих новых условиях ни в сельском хозяйстве, ни в мануфактурном производстве работники не являлись более владельцами средств производства или произведенных ими товаров (которые, в любом случае, часто отличались от товаров, которые они сами потребляли). Кроме того, ремесленные мануфактуры — а позднее промышленные предприятия — все более использовали специализированные средства производства, произведенные на иных предприятиях.

Что же касается нерегулярности обмена, то здесь достаточно указать лишь на один из характерных факторов отсутствия однородности в условиях обмена: множественность и постоянную изменчивость стандартов измерения товаров — мер веса, объема, длины, которая, и то очень медленно, постепенно преодолевалась в ходе событий, случившихся, что весьма примечательно, в XVIII в.⁵

Вероятно, именно отсутствие регулярности и однородности в экономической деятельности может объяснить распространенные у авторов того периода ссылки на условия спроса и предложения как на детерминанты рыночных цен. При большой изменчивости в спросе и предложении и при отсутствии четких указаний на определяющие их факторы, эти распространенные в литературе упоминания не могут указывать на наличие полноценной теории ценообразования, не говоря уже о предвосхищении маржиналистских теорий, отождествляющих равновесную цену с точкой пересечения кривых спроса и предложения для данного товара. Как мы увидим далее, в рамках маржиналистского подхода спрос и предложение понимаются как функции (непрерывные и дифференцируемые) — убывающая в случае предложения и возрастающая в случае спроса — от цены самого товара, с возможностью учета других переменных, таких как цены на иные товары и доходы потребителей. Напротив, бесполезно выискивать в отрывочных ремарках ранних авторов по поводу спроса и предложения

⁵ Стандарты измерения на протяжении большей части истории человечества были предметом острых социальных конфликтов и регулировались местными обычаями, в основном переменчивыми и оставлявшими большое пространство для вариаций. Центральная власть в новых национальных государствах преуспела в установлении легальных стандартов измерения лишь после длительных усилий, которые начали давать плоды только к началу XVIII в. Эту весьма интересную историю см.: [Kula, 1970].

указания на четко определенные и устойчивые зависимости между спросом и предложением, а также другими переменными, такими как цена данного товара.

В действительности вплоть до XVII в. рассуждения по экономическим вопросам — если только они не касались специальных технических проблем, например, развития методов учета и изобретения двойной записи, обычно приписываемого итальянцу Луке Паччоли (ок. 1445 — ок. 1514), — были неразрывно связаны с рассмотрением правил управления обществом (для примера достаточно вспомнить «Государство» Платона или «Политику» Аристотеля). Более того, политическая мысль в большей степени фокусировалась на том, что должно быть, чем на том, что было в реальности. Как часто отмечается, разделения между этикой и «объективными» науками об обществе не было вплоть до Макиавелли. Это не означает, что в работах античных и средневековых авторов нельзя найти ничего, что имело бы отношение к политической экономии. Экономические идеи и наблюдения несомненно присутствовали там, но они были встроены в контекст, который не содержал сколько-нибудь систематического анализа экономических вопросов. Вероятно, можно говорить о наличии «концептуальных схем» применительно к рассмотрению политической проблематики или применительно к специальным экономическим вопросам. Но до Уильяма Петти (см. гл. 3 наст. изд.) не было эксплицитного и осознанного обсуждения понятий цены, товара и рынка.

Оживление экономических дискуссий, наблюдавшееся с XVI в., было также связано с важным техническим фактором: изобретением книгопечатания на основе подвижных литер, что привело к быстрому и значительному снижению стоимости книг⁶.

2.2. Классическая Античность

Рассмотрение экономических вопросов можно обнаружить и в очень давние времена. Вавилонский кодекс Хаммурапи (ок. 1740 г. до н.э.), высечен-

⁶ Библия Гутенберга появилась в 1445 г.; в течение 30 лет новая технология распространилась по Европе (см.: [Cipolla, 1976, p. 148–149]). Рост числа отпечатанных книг был значительным. Кажется правдоподобным, что все увеличивающаяся доля от их числа была посвящена экономическим вопросам. Шпигель [Spiegel, 1971, p. 94] использовал для обоснования этого каталог библиотеки Кресса Гарвардского университета (Kress Library at Harvard University): около 200 печатных работ (памфлетов и книг) в XVI в., 2000 — в XVII в., 5000 — за период 1700–1776 г. Данный индикатор, возможно, несколько преувеличивает действительный темп роста в силу того, что гораздо большее количество печатных работ ранних периодов попросту не дошло до нас. Тем не менее общий тренд представляется достаточно показательным и достоверным.

ный на монолите, который хранится в Лувре, содержит, помимо прочего, нормативные предписания по экономическим отношениям. Самый ранний из текстов Ветхого Завета, в котором содержится масса указаний по различным аспектам экономической жизни, относится к XII–IX вв. до н.э. В Индии трактат «Артхашастра» (см.: [Kautilya, 1967; Артхашастра, 1959]), целиком посвященный рассмотрению экономических аспектов функционирования государства, появился в IV в. до н.э.; и он содержит большое количество отсылок к более ранним текстам. В Китае трактат «Гуань-цзы» вобрал в себя различные тексты периода V в. до н.э. — I в. н.э. и также затрагивает ряд экономических вопросов⁷.

Среди множества вопросов, затрагиваемых в Библии, для нашего предмета наиболее значимым является вопрос о роли труда в человеческой жизни. Это вопрос сложный, к которому мы вернемся еще не раз. В Книге Бытия труд рассматривается как плата за первородный грех. Но он оценивается и с позитивной точки зрения как элемент самой природы человека, средство ее воплощения, составляющее часть божественного замысла. Сам Бог трудится, отдыхая на седьмой день⁸. Создав человека, Он поручает ему трудиться даже в земном раю⁹. Лишь после грехопадения труд приобретает негативный аспект: «проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от нее во все дни жизни твоей; ...в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:17–19).

И все же труд при этом составляет не только тяжкую необходимость и средство выживания, но и элемент благой жизни, соответствующей божественному предназначению¹⁰.

Одновременно сочетание двух аспектов трудовой деятельности — труда как тяжелой необходимости и труда как средства самореализации —

⁷ Для общего обзора истории индийской экономической мысли см. также: [Dasgupta, 1993]; текст «Гуань-цзы» с комментариями см.: [Rickett, 1985–1998; Штейн, 1959].

⁸ «И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые Он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал» (Быт. 2:2).

⁹ «И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2:15).

¹⁰ «Шесть дней работай и делай всякие дела твои...» (Исх. 20:9; см. также Втор. 5:13). Внимание к этике труда в особенности отличает послания апостола Павла. Идея труда как основы человеческого достоинства и как позитивной ценности человеческой жизни, как средства самореализации человека в мире будет вновь и вновь подниматься на протяжении веков, особенно среди утопических мыслителей и течений XVI–XVII вв. Некоторые из этих течений, в частности связанные с протестантизмом, ставили своей целью освобождение работника от гнета хозяев (а не от тягот самого труда, что было бы действительно утопичным!), см.: [Spini, 1992]. Среди авторов утопических сочинений следует упомянуть Томаса Мора (1478–1535, его «Утопия» была опубликована на латыни в 1516 г.), Томмазо Кампанеллу (1568–1639, «Город Солнца» датируется 1602 г., но был впервые опубликован на латыни лишь в 1623 г.), Фрэнсиса Бэкона (1561–1626, «Новая Атлантида» была опубликована в 1627 г.).

представляет собой наиболее значительный вклад библейской традиции в современную культуру¹¹. В этом отношении влияние библейской традиции оказалось более значительным, чем античной (которая была ярким выражением представлений господствующего класса в рабовладельческом обществе)¹². В античной традиции трудовая деятельность (за исключением деятельности по организации и присмотру за собственным хозяйством) рассматривалась как утомительная или даже позорная. Как отмечает Финли, «ни в греческом, ни в латинском не было слова для выражения общего понятия “труд” или же для обозначения труда как социальной функции» [Finley, 1973, p. 81].

В целом древнегреческая традиция исповедовала «административный, а не рыночный подход к экономике» [Lowry, 1987a, p. 12]. Экономическая проблематика затрагивалась в ее рамках либо в контексте принципов хорошего управления домашним хозяйством (в его широком понимании как экономической единицы, включающей и рабов), либо в контексте обсуждения политических институтов. К первому случаю — принципам ведения домашнего хозяйства — относятся, например, «Домострой» («*Oeconomicon*») Ксенофонта (ок. 430 — ок. 355 до н.э.) или «Экономика» («*Oeconomia*»), которую ранее обычно приписывали Аристотелю и которая, скорее всего, была создана в период III–I вв. до н.э. Сам термин «экономика» восходит к греческим корням *oikos* (дом) и *nomos* (правило, или закон), обозначая тем самым область управления домашним хозяйством. Ко второму случаю — рассмотрению экономико-политических вопросов — относятся, например, «Государство» Платона (ок. 427 — ок. 347 до н.э.) или «Политика» Аристотеля (384–322 до н.э.) Но такое разделение не может считаться четким: в этой традиции нельзя обнаружить расхождение между точкой зрения управляющего хозяйством семьи и точкой зрения правительства полиса. Ксенофонт и Платон явно отмечали то, что умение управлять собственным хозяйством, наряду с прочими условиями, может рассматриваться надежной гарантией наличия способности занимать публичные должности, включая и военные¹³. Эффективное управ-

¹¹ Как мы увидим далее, эти элементы, сосуществовавшие в идеях многих экономистов классической школы, будут четко противопоставлены у Карла Маркса: труд как необходимость выступает у него основой докоммунистических формаций, тогда как с приходом коммунизма трудовая деятельность становится средством свободного проявления человеческой личности. В маржиналистском подходе, помимо примечательного исключения, которое составляет Альфред Маршалл, явно превалировало внимание к негативному элементу трудовой деятельности.

¹² Напротив, библейская традиция формировалась среди угнетаемых и гонимых.

¹³ По мнению Ксенофонта, управление частным делом только с точки зрения количественных характеристик отличается от управления делами общества, во остальном же они весьма схожи (см. [Xenophon, 1923, p. 189; Lowry, 1987a, p. 12–14]).

ление средствами производства (включая, в частности, надзор за трудом рабов) рассматривалось как ключевой фактор получения продукта высокого качества, тогда как возможность технологических улучшений в целом игнорировалась.

Именно в этом контексте следует рассматривать часто цитируемый отрывок из «Экономики» Псевдо-Аристотеля: «Никто в действительности не заботится о чужой собственности так, как о своей. Потому каждый должен, насколько это возможно, вести свои дела сам. Мы можем привести также пару высказываний, одно из них приписывается персу, <...который> в ответ на вопрос, что лучше всего для лошади, отвечал, что это присмотр ее хозяина»¹⁴ [(Pseudo) Aristotle, 1935, p. 341: *Oeconomica*, I, 6.3].

Такое указание на фигуру «хозяина» приводит нас к понятию собственности или, лучше, «распоряжения» или «владения» — последние термины позволяют избежать полного отождествления этого понятия с представлением о частной собственности в современном обществе. Само это понятие не составляло тогда проблемы, положение изменится лишь несколько веков спустя, во времена патристики (как мы увидим далее). Оно обозначало лишь аспект более общего обсуждения политической и социальной организации. В этом отношении мы обнаруживаем значительные расхождения между разными авторами, и в частности между Платоном, который выступал за коллективное владение средствами производства и коллективистские начала в организации потребления, и Аристотелем, придерживающимся реалистического понимания человеческой природы: «К тому, что составляет предмет владения очень большого числа людей, прилагается наименьшая забота. Люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся они о том, что является общим, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого» [Аристотель, 1983, с. 406].

В то же время существовало повсеместное сходство в идеях о происхождении социальной стратификации, связываемом с врожденными различиями между людьми и вытекающим отсюда разделением решаемых ими задач. Именно на этом, в частности, основывалось разделение между земледельцами, воинами и философами в «Государстве» Платона. Он выводил возникновение государства из разделения труда между отдельными функциями, такими как земледельцы, строители, ткачи. В свою очередь, разделение труда вытекало из того, что «люди рождаются не слишком похожими

¹⁴ Этот отрывок будет переиначен Адамом Смитом в «Теории нравственных чувств» (см. разд. 5.8 наст. изд.), но в этом случае он приобретет другое значение: не совета хорошему отцу семейства блюсти свое имущество самому, но четкого обоснования выбора в пользу принципов либерализма.

друг на друга, их природа бывает различна, да и способности к тому или иному делу также»¹⁵ [Платон, 1971, 370б].

Аристотель следовал Платону в отнесении начал социальной стратификации к самой природе человека. Это в первую очередь относилось к базовому для него разделению обязанностей между мужчинами, женщинами и рабами. Аристотель безапелляционно заявлял в «Политике»: «Но женщина и раб по природе своей два различных существа: ведь ... в природе каждый предмет имеет свое назначение» [Аристотель, 1983, с. 377]¹⁶. Здесь, таким образом, рассматривается разделение ролей в обществе, а не разделение рабочих задач. С точки зрения Аристотеля, этот последний момент касался рабов, но никак не господ: «Господином называют не за знания, а за природные свойства; точно так же обстоит дело с рабом и свободным. Правда, можно вообразить и науку о власти господина, как и науку о рабстве, последнюю — вроде той, которая существовала в Сиракузах, где некто обучал людей рабству: за известное вознаграждение он преподавал молодым рабам знания, относящиеся к области обычного рода домашних услуг. ... Все подобного рода науки — рабские, господская же наука — как пользоваться рабом, и быть господином вовсе не значит уметь приобретать рабов, но уметь пользоваться ими» [Там же, с. 386–387].

И Платон, и Аристотель, таким образом, выводили социальную и политическую стратификацию из некоего природного факта, протекающего

¹⁵ Относительно разделения труда было что сказать и Ксенофону, который, как и Платон, был учеником Сократа — его образ он запечатлел в своих «Воспоминаниях о Сократе» — и, таким образом, принадлежал к поколению, предшествовавшему Аристотелю, который являлся учеником Платона. Помимо прочего, Ксенофонт связывал разделение труда с размером рынка в следующем часто цитируемом отрывке: «Ведь в небольших городах один и тот же мастер делает ложе, дверь, плуг, стол, а нередко тот же человек сооружает и дом, причем он рад, если хоть так найдет достаточно заказчиков, чтобы прокормиться. Конечно, такому человеку, занимающемуся многими ремеслами, невозможно изготовлять все одинаково хорошо. Напротив, в крупных городах благодаря тому, что в каждом предмете нужду испытывают многие, каждому мастеру довольно для своего пропитания и одного ремесла. А нередко довольно даже части этого ремесла; так, один мастер шьет мужскую обувь, а другой — женскую. А иногда даже человек зарабатывает себе на жизнь единственно тем, что шьет заготовки для башмаков, другой — тем, что вырезает подошвы, третий — только тем, что выкраивает передки, а четвертый — не делая ничего из этого, а только шивая все вместе. Разумеется, кто проводит время за столь ограниченной работой, тот и в состоянии выполнять ее наилучшим образом» [Ксенофонт, 1976, VIII, II:5, с. 187–188].

¹⁶ Непосредственно перед этим Аристотель указывает: «[Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим» [Там же].

из существенных различий между различными членами общества. Этот тезис с явным авторитарным подтекстом долго будет оставаться влиятельным¹⁷, но разительный контраст составит тезис, который будет развивать Адам Смит (см. подразд. 5.7 наст. изд.). С нашей точки зрения, однако, многие другие аспекты их наследия оказали значительное влияние на последующий ход развития экономической мысли, пусть часто и в искаженном виде (связанном с попытками осовременить их). Далее (см. подразд. 2 наст. гл.) мы обратимся к взглядам Аристотеля на деньги и ростовщичество. Здесь же мы можем кратко упомянуть указание, данное Платоном в «Законах», на роль страданий и удовольствий как факторов человеческого поведения¹⁸, или же на разделение Аристотелем между потребительной и меновой ценностями¹⁹. Не так просто интерпретировать аристотелевский анализ обмена, который был представлен в «Никомаховой этике» как часть этической

¹⁷ Например, Фома Аквинский — и с ним вся схоластическая традиция — будет говорить как о справедливом о распределении талантов между людьми по воле Провидения и принимать как должное распределение доходов и богатства с учетом неравенства в статусе, достоинствах, способностях, умениях и обстоятельствах каждого индивидуума ([De Roover, 1971, p. 43–44], а также ссылки на Фому Аквинского).

¹⁸ Платон отмечал, что «...каждый [из нас] имеет в себе двух противоположных и неразумных советчиков: удовольствие и страдание» («Законы», кн. I, 644c). Однако в противоположность тому, что, как кажется, предполагал Шпигель [Spiegel, 1971, p. 20], это не являлось выражением сенсуалистского подхода, в котором сопоставление между количественно выраженными удовольствиями и страданиями механически определяют человеческие действия: это «расчет» (соображения), который превращается в «закон», будучи закрепленным «публично выраженной волей государства», и который подчиняет (у мудрого человека) все позитивные и негативные проявления страстей.

¹⁹ «Пользование каждым объектом владения бывает двоякое; в обоих случаях пользуются объектом как таковым, но не одинаковым образом; в одном случае объектом пользуются по его назначению, в другом — не по назначению; например, обувь пользуются и для того, чтобы надевать ее на ноги, и для того, чтобы менять ее на что-либо другое» [Аристотель, 1983, с. 390]. Как можно заметить, у Аристотеля разделение между тем, что впоследствии будет обозначаться как потребительная и меновая ценности, основывалось на этическом принципе: «должное» использование и потребление противопоставлялось «неправильному», отражая, таким образом, некоторое презрение к торговой деятельности, характерное для представителей высших классов рабовладельческих обществ. В действительности процитированный здесь отрывок является частью рассуждения о «естественных» и «противоестественных» способах приобретения богатства (кочевой быт, сельское хозяйство, охота, рыболовство и даже разбой относятся к естественным, тогда как ростовщичество заклеивается — но и в целом все доходы от торговли, т.е. от покупки и продажи товаров в обмен на деньги, считаются противными природе). Согласно Лоури ([Lowry, 2003, p. 15, 22]; см. также приведенную в работе библиографию), «Аристотель четко сформулировал концепцию убывающей предельной полезности» и «выразил использование денег в качестве средства обмена, меры стоимости и средства сохранения стоимости для будущих покупок». Как Лоури, так и Мейкле [Meikle, 1995] представляют примеры «рациональной реконструкции» (см. выше, примеч. 25 к гл. 1), интерпретируя авторов прошлого в свете современных (или поздних по отношению к ним) теорий.

теории и который по-разному будет восприниматься в схоластическом анализе справедливой цены²⁰.

2.3. Наследие патристики

В силу ограниченности места мы не будем здесь останавливаться на текстах эпикурейцев (и самого Эпикура), равно как и на текстах стоиков — хотя их влияние четко прослеживается в работах ведущих фигур в истории экономической мысли (в частности, Мандевиля и Смита в XVIII в.). По этой же причине мы вынуждены оставить в стороне древнеримскую литературу (включая и таких значительных авторов, как Цицерон и Сенека), хотя она оказала непосредственное воздействие на аспекты, связанные с правом, например определение прав собственности. Здесь мы остановимся лишь на разделении между «естественным правом» и «правом народа», которое отразилось в рассуждениях ранних Отцов Церкви.

Далее мы кратко остановимся на вкладе патристики, представленном наиболее значительными христианскими мыслителями периода с I в. н.э. до XI в. Позднее, в XII–XIII вв., постепенно сложится новая культурная модель, связанная главным образом с интеллектуальной жизнью в рамках средневековых университетов — «школ». Отсюда она и получит название схоластической. Характерной чертой этой новой модели станут систематические ссылки на отдельных философов Античности (в XII в. таким философом будет преимущественно Боэций, в XIII в. — Аристотель)²¹.

Важно подчеркнуть, что патристика интересна не с точки зрения создания стройной интеллектуальной системы, в рамках которой экономические феномены подвергались бы всестороннему рассмотрению, но с точки зрения того влияния, которое она будет оказывать на последующий анализ

²⁰ В книге V «Никомаховой этики» рассматриваются направительная (коммутативная) и распределительная (дистрибутивная) справедливость. Здесь Аристотель рассматривает, помимо прочего, как от бартерного обмена люди переходят к денежному. Блага распределяются между людьми согласно их «природе», т.е. роли, которую каждый из них призван играть в жизни общества. Соответственно, при обмене продуктами необходимо соблюдать соответствующие пропорции (но далеко не очевидно то, как именно эти пропорции следует определять). В качестве иных примеров оценок вклада Аристотеля в экономическую теорию можно привести: негативную [Finley, 1970] и позитивную марксистскую [Meikle, 1995].

²¹ В связи с этим следует обратить внимание на распространение перевода «Никомаховой этики» на латынь, сделанного епископом Линкольнским Робертом Гроссетестом и его помощниками. Он был закончен примерно в 1246 г.: именно с этой даты некоторые учебники начинают отсчет схоластики, хотя интерес к философии Античности, а соответственно, и стимул к переводу античных текстов, был следствием развития интеллектуальной деятельности в «школах», а не его причиной.

некоторых вопросов (прежде всего понятия частной собственности, а также связи между частной инициативой и социальными системами)²².

Нужно напомнить, что изначально христианство представляло религию угнетаемой и преследуемой секты меньшинства, притом распространенную преимущественно среди низших классов обществ. На первых порах основной задачей было элементарное выживание, а отсюда вполне объяснимо безразличие к политике — принятие существующих социальных и экономических структур в духе завета Иисуса «...Отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу»²³. Положение изменилось в правление императора Константина, когда христианство утвердилось как государственная религия. Однако и после этого внимание Отцов Церкви долгое время было сосредоточено на «жизни после смерти» и сугубо религиозных вопросах, тогда как «социальные и политические институты своего времени они воспринимали как данность, по сути — неизменную данность» [Viner, 1978, p. 13].

Это безусловно не означает, что Отцы Церкви никогда не затрагивали практических вопросов: они, пусть и рассматривая их всегда в рамках морального учения, оказали разнообразное воздействие на формирование того интеллектуального климата, который сложится в последующие столетия. Далее мы кратко поговорим об отношении Отцов к вопросам частной собственности, милостыни, рабства и торговли. При этом необходимо иметь в виду ключевое различие в мысли того периода: между идеями, пригодными для гонимого религиозного меньшинства, и моральными предписаниями, обращенными к исповедующим господствующую в обществе религию.

Преобладающим мнением Отцов Церкви по отношению к проблеме частной собственности было то, что она проистекает из гражданского, а не божественного права, а также то, что моральный идеал связан с некоторой формой совместной собственности. Иоанн Златоуст (ок. 347–407) исходил из того, что Бог создал земные блага для общего пользования всеми людьми; того же мнения придерживались Амвросий Медиоланский (ок. 340–397), который видел начало частной собственности в акте узурпации, и Иероним Стридонский (ок. 347 — ок. 420), который доказывал, что богатч либо является несправедливым человеком сам, либо наследует несправедливому человеку. Блаженный Августин (354–430) считал частную собственность источником войн и социальной несправедливости. Но при этом совет полностью избавиться от своей собственности — как сделал много веков спустя Франциск Ассизский — считался «призывом к совершенствованию»,

²² Для более подробного рассмотрения этого периода см. [Viner, 1978] и приведенную в этом источнике литературу, а также [Spiegel, 1971, p. 41–46].

²³ Евангелие от Матфея 22:21. В связи с этим у Вайнера говорится о «потусторонности» патристики на раннем этапе [Viner, 1978, p. 9].

а не общей рекомендацией, приемлемой для всех. Общая норма в отношении к частной собственности, равно как и к иным аспектам социальной жизни, заключалась в указании на необходимость соблюдения существующих законов²⁴. Более того, роль, отводимая законодательному закреплению частной собственности после грехопадения, т.е. с учетом ограничений человеческой природы, связывалась с поддержанием с их помощью преград людскому стяжательству и с сведением к минимуму конфликтов и общественных беспорядков. Иоанн Дунс Скот (ок. 1265–1308) зашел здесь так далеко, что провозгласил частную собственность после грехопадения соответствующей естественному праву [Pribram, 1983, p. 11].

Часто встречающиеся моральные предписания выполнять долг раздачи милостыни также следовали подобной логике. Идеал христианского совершенства предполагал, что человек не может принимать ситуацию, в которой он был бы богаче остальных людей. Отсюда следовала необходимость раздачи беднякам всех излишков сверх сугубо необходимого уровня. На практике, однако, за милостыней закреплялась задача помощи в случае крайней нужды — бремя, которое не было чрезмерным для богачей. Раздача милостыни в этом случае не могла существенно изменить сложившуюся социальную стратификацию.

Рабство считалось данностью, частью сложившихся общественных устоев. Как таковое оно поэтому не порицалось. Отцы Церкви, которые обсуждали его — например, Августин и Лактанций, ограничивались указанием на равенство всех, вне зависимости от социального положения перед Богом: и раб мог быть более достоин рая, чем богач. Уже это, однако, было шагом вперед по сравнению с Платоном и Аристотелем: рабство не считалось более естественным порядком вещей, а в той степени, в которой оно

²⁴ Двумя исключениями, приведенными с некоторыми оговорками у Вайнера [Viner, 1978, p. 17–20], можно считать фигуры Лактанция и Феодорита Кирского. Последний был жестким критиком коллективизма (однако основной целью его атак являлась общность жен), первый — защитником социального неравенства, включая и неравенства между хозяином и рабом. В другой части спектра находились различные еретические течения — манихеи, пелагиане, донатисты, карпократиане и иные, которые считали спасение богачей невозможным и предписывали бедность по крайней мере для священников. Здесь вновь следует порекомендовать работу Вайнера [Ibid., p. 38–45] для ознакомления с его взвешенным обзором и ссылками для дальнейшего чтения.

В Средние века церковь стала одним из крупнейших землевладельцев мира; в 1208 г. папа Иннокентий III отлучил от церкви вальденсов за их тезис о том, что частная собственность является препятствием к вечному спасению [Viner, 1978, p. 108]. Позднее, в XVI в., представители так называемой саламанкской школы (от Франсиско де Витории (1492–1546) до Томаса де Меркадо (ок. 1500–1575)) последовательно обосновывали полезность частной собственности (см. [Chafuen, 1986]). См. также [Wood, 2002, p. 17–67], где показаны изменения в отношении к собственности, бедности и богатству, произошедшие между временем Августина и XV в.

относилось к области прав собственности, оно подлежало рассмотрению с точки зрения человеческого, а не божественного права.

Теперь нам легче обрисовать отношение Отцов Церкви к экономической деятельности и, в частности, к торговле. Восприятие труда — в целом позитивное и в любом случае исходящее из его признания как общественной обязанности, полезной еще и тем, что труд помогает избежать многих грехов, — восходило к позиции апостола Павла (см. выше, подразд. 2.2). Тяга к роскоши и богатству осуждалась особенно, поскольку она отвлекала от стремления к вечному спасению — абсолютному приоритету. Торговля воспринималась с подозрением, как возможный источник моральных рисков, однако не осуждалась безоговорочно: было важным, чтобы она велась честно и не противоречила жизни доброго христианина²⁵.

Тезисы Отцов, проиллюстрированные выше, стали составной частью официальной доктрины церкви в следующие века посредством Фомы Аквинского (ок. 1226–1274). Он доказывал, что частная собственность не противоречит естественному праву и благоприятствует общественно полезному поведению (утверждение, встречавшееся уже у Аристотеля), тогда как общее имущество составляет идеал благой жизни, доступный лишь для меньшинства (в частности, в рамках монашеских орденов)²⁶. Подобным же образом Фома находил стремление к торговой прибыли во многих случаях оправданным. Фигура Фомы Аквинского знаменует расцвет схоластики.

2.4. Схоластика

Как мы видели в предыдущих разделах, моральная проблематика доминировала в рассмотрении экономических вопросов в Античности и в Средневековье. Согласно одному из крупнейших исследователей экономической мысли того периода Прибраму, «средневековая экономическая мысль состояла из набора определений и предписаний, призванных регулировать христианское поведение в сферах производства, потребления, распределения и обмена товаров» [Pribram, 1983, p. 6].

²⁵ Следует также упомянуть о неодобрении роста населения, встречающемся у Иеронима [Viner, 1978, p. 33–34] и у Киприана Карфагенского (ок. 200–258) см. [Spiegel, 1971, p. 46]. Последний в некотором роде может считаться предшественником Томаса Мальтуса (см. подразд. 6.2 наст. изд.). Он опровергал библейский императив «плодитесь и размножайтесь» (Книга Бытия 1:28), который часто цитировался тогда, как и в последующих дебатах.

²⁶ Отношение католической церкви впоследствии существенно изменилось. Папа Лев XIII в энцикликах «*Quod apostolici muneris*» (1878) и «*Rerum novarum*» (1891) провозгласил, что право собственности соответствует естественному праву.

При сравнении с экономической наукой в современном понимании, как цели, так и методы анализа фундаментально различались. Основной задачей, как мы уже видели, являлось нахождение правил морального поведения, а не понимание принципов функционирования экономики²⁷. Метод, в соответствии с этой целью, был основан на принципе авторитета, а именно на выведении правил поведения из первооснов, данных в божественном откровении. Фундаментальной задачей выступала здесь проверка рассуждений по экономическим вопросам на предмет соответствия этим первоосновам или комментариям к священным текстам, пользующимся особой авторитетностью, — такими как те, что были даны Отцами Церкви.

Вместе с тем теологические дебаты Средних веков породили множество концептов, которые неизбежно использовались или воспроизводились в качестве основ для любых последующих попыток анализа экономики. Во многих отношениях эти дебаты предвосхитили направления анализа, которые были намечены Смитом и другими экономистами классической школы.

Так было, например, с некоторыми вечными банальностями, вроде приписывания общественному целому автономной субъектности. Это уже предопределялось самим взглядом на Церковь как на мистическое тело (*corpus mysticum*), как на корпорацию (*universitas*) верующих: реальность более высокого порядка, по сравнению с отдельными христианами или с «социальными телами» светского происхождения²⁸.

Отсюда оставалось сделать лишь небольшой шаг к идее о том, что государство логически превосходит семью и индивида. Происхождение этой идеи в одних аспектах восходит к Платону, в других — к Аристотелю: эти древнегреческие философы могут рассматриваться как основоположники органической доктрины государства²⁹. Однако Прибрам отмечал: «Аристо-

²⁷ Примечательным следствием этого было внимание в работах схоластов к фигуре отдельного индивида — правилам его поведения и цели спасения лично его души. Это составляло разительный контраст с подходом экономистов классической школы (например, Рикардо и Маркса), которые фокусировались на анализе совокупностей индивидов, таких как общественные классы. Шумпетер подчеркивал внимание к индивиду как ключевой аспект процесса зарождения политической экономии [Шумпетер, 2001, т. 1, с. 128–129]. Следует заметить, однако, что дух индивидуализма, пусть и в ином контексте, отличал уже римское право (тогда как, с другой стороны, известная притча Менения Агриппы Ланата, сравнивающая политическое тело с человеческим, стала общим местом при обращении к биологическому редукционизму в рассмотрении социальных конфликтов).

²⁸ Доктрина верховенства авторитета Церкви во всех мирских и духовных вопросах была провозглашена в булле папы Бонифация VIII «*Unam Sanctam*» (1302).

²⁹ Карл Поппер подчеркивал роль в этом Платона [Поппер, 1992, т. 1], тогда как Бертран Рассел настаивал на вкладе Аристотеля [Рассел, 1993, т. 1, гл. XXI, особенно с. 206]. Как Поппер, так и Расселл настаивали на том, что органической доктрине государства присущ авторитаризм, подтверждением чему в современности они считали марксизм и нацизм. Действительно, в рамках органического подхода для понимания общества во внимание прежде

телевская концепция политического сообщества как единого целого, обладающего самостоятельной сущностью, не была механически заимствована схоластами. Они восприняли лишь аристотелевскую предпосылку о том, что жизнь в обществе является «естественной потребностью» человека» [Pribram, 1983, p. 7–8]). Тем самым они следовали более умеренной версии органической доктрины по сравнению с исходной концепцией Аристотеля: это нужно отметить особо, чтобы подчеркнуть возможность наличия промежуточных позиций в том фронтальном противостоянии между методологическим индивидуализмом и органицизмом, которое воспринималось как само собой разумеющееся в XX в., особенно в свете либеральной реакции на тоталитарные режимы. В некоторых аспектах понятие человека как сущности социального животного, уже присутствовавшее у самого Аристотеля, наряду с умеренной версией органицизма и вниманием к индивиду, характерному для схоластической мысли, предвосхитили подход, разделяемый представителями шотландского Просвещения XVIII в., и в частности Адамом Смитом, который будет рассмотрен далее (см. подразд. 5.3 наст. изд.).

В пространстве средневековой философии аналог с дебатами между методологическим индивидуализмом и органицизмом может быть найден в обсуждении проблемы так называемых универсалий и, более конкретно, в противопоставлении между «номинализмом» и «реализмом» (или, если воспользоваться термином Поппера, «эссенциализмом») [Поппер, 1992, т. 2, с. 22]³⁰. Остановимся на сути этих дебатов, пусть и бегло [Fumagalli, Parodi, 1989, p. 165–185]³¹.

всего следует принять коллективные единицы, такие как «пролетариат» или «нация», а в политических действиях степень значимости этих единиц превосходит степень значимости составляющих их индивидов. Напротив, так называемый методологический индивидуализм (который позднее возобладал в маргиналистской теории, особенно в австрийской школе) исходил из того, что любой социальный феномен следует анализировать, отталкиваясь от индивидуального поведения как от основы.

³⁰ Сам Поппер предложил эту связь, солидаризировавшись с номинализмом [Там же, с. 21–30]. Он, вместе с тем, не привел ссылок на отдельных средневековых философов. Более того, в своем беглом обзоре он полностью проигнорировал подход Абельяра, представив дебаты между номиналистами и реалистами именно как фронтальное противостояние.

³¹ Здесь мы оставим в стороне ряд авторов, даже таких значимых, как францисканец Дунс Скот, реалист, и Уильям Оккам (ок. 1300–1349), номиналист (или, как предпочитают обозначать некоторые авторы, «терминалист»). Дебаты между номиналистами и реалистами в понимании более близком к попперовскому, чем к тому, которое представлено на этих страницах, описал также историк экономической мысли Карл Прибрам (1877–1973), одна из видных фигур в австрийской культуре в период между двумя мировыми войнами. Прибрам мог оказать определенное влияние на индивидуализм Хайека и Поппера [Pribram, 1983, p. 20–30]. Роль Прибрама подчеркивалась также Шумпетером [2001, т. 1, с. 106, примеч. 4].

Согласно номиналистам, универсальные термины — те, которые не относятся к индивидуальным сущностям, такие, например, как «лошадь» или «человечество» — выступают лишь именами, используемыми для обозначения ряда или класса индивидуальных объектов: они, как предположительно указал Иоанн Росцелин (Росцелин из Компьеня) (ок. 1050 — ок. 1120) являются лишь простым «звучанием голоса» (*flatus vocis*), тогда как лишь индивидуальные объекты реальны. Реалисты же, подобно Гильому из Шампо (ок. 1068–1121), связывали универсальные термины с наличием характеристики, присущей всему ряду обозначаемых объектов, а потому — с «подлинной сущностью», наличествующей во всех индивидуальных объектах, отличных друг от друга лишь из-за внешних, случайных признаков. Ученик как Росцелина, так и Гильома, Пьер Абеляр³² занял позицию, резко критичную по отношению к наиболее экстремальным версиям и реализма, и номинализма. Согласно Абеляру, универсальные термины появляются для обозначения (и передачи) наличных аспектов реальности. Поэтому они отражают «общую причину» (*causa communis*), а не просто «звучание голоса», лишенное объективных оснований; но они в то же время представляют нечто отличное от коллективной реальности или от четко определенной группы индивидуальных объектов: «универсальному имени соответствует общий и полезный образ многих вещей, тогда как особому имени соответствует точный и уникальный концепт, обозначающий уникальную реальность» (цит. по: [Fumagalli, Parodi, 1989, p. 171])³³. Абеляр, таким образом, несмотря на свой критицизм по отношению к реализму, отстаивал значимость универсальных терминов: их «аналитическую» значимость, как мы можем добавить.

Если, следуя Попперу, мы попытались бы перенести позицию Абеляра в контекст современной дихотомии методологического индивидуализма и органицизма, то можно предположить, что Абеляр отвергал бы крайние выражения обеих позиций и отстаивал возможность анализа, проводимого на базе агрегированных категорий. Такой анализ не пытался бы объять все разнообразие индивидуальных признаков, но и не наделял бы агрегированные категории свойством самостоятельной сущности и не расценивал бы их как нечто, логически превосходящее индивидуальные объекты, в любом

³² Пьер Абеляр (ок. 1079–1142) был одним из величайших логиков Средних веков. В течение ряда лет он был профессором в Парижском университете, а затем стал монахом. Абеляр известен также своей трагической любовной связью со своей ученицей Элоизой, отраженной в письмах, которыми они обменивались после насильственного разлучения.

³³ Там же читаем: ««общее состояние» ...есть не субстанция, но способ бытия». Мы, таким образом, сталкиваемся с «процессом отделения мира имен от мира вещей»: понятие «роза» сохранит свое значение, пусть и негативное, даже в мире, в котором роз более не существует [Ibid., p. 172].

случае учитывая тот факт, что всякий универсальный термин несет искаженный образ реальности в отличие от точного образа, связанного с «единичным именем».

Проведение параллелей между дебатами, отстоящими друг от друга на такой огромный период времени, безусловно, имеет довольно-таки сомнительную ценность. Но даже и представленные здесь весьма упрощенные версии подходов демонстрируют то, как богатство, накопленное в дебатах прошлого, может служить выявлению ограниченности методологических походов, превалирующих сегодня, — в данном случае методологического индивидуализма и связанной с ним дихотомии между индивидуализмом и органицизмом. Действительно, схоласты и Абеляр указывают на возможность среднего пути между двумя крайностями: пути, который позволял бы учитывать важность внимания к общественному (или, точнее, к социальным единицам), обусловленную социальной природой человека, и использовать в аналитических целях агрегированные (универсальные) термины без наделения их самостоятельной сущностью, без того, чтобы ставить их в реальности выше (т.е. политически значимее) индивидов. На этом среднем пути мы обнаружим в более поздние времена экономистов-классиков (таких как Адам Смит и Джон Стюарт Милль), а в относительно более недавнем прошлом и Джона Мейнарда Кейнса³⁴.

2.5. Ростовщичество и справедливая цена

После нашего краткого экскурса в область логики и эпистемологии, сосредоточимся теперь на сугубо экономических вопросах. В период XII–XVI вв. доминирующими среди них были вопросы ростовщичества и справедливой цены, всегда рассматриваемые с точки зрения этики и вне связи с интерпретацией функционирования экономической системы в целом (см.: [De Roover, 1971, p. 16–19])³⁵. В этом разделе мы кратко опишем основные направления дебатов по данной проблематике, сосредоточив внимание на их основных действующих лицах, таких как Фома Аквинский в начале рассматриваемого периода и Томас Вильсон в его конце.

Фома Аквинский (ок. 1225–1274) обычно считается наиболее значимым философом и теологом позднего Средневековья. Его влияние как преподавателя во многих городах (от Парижа до Рима и от Ананьи до Неаполя)

³⁴ Не придавая этому чрезмерно большого значения, укажем, что Кейнс в молодости читал и ценил Абеяра [Skidelsky, 1983, p. 113].

³⁵ Вуд говорит о «теологической экономике»: «экономические идеи Средневековья неразрывно вплетены в проблематику этики и морали, они сосредоточены на мотивах, а не на механике экономики» [Wood, 2002, p. 1].

было превзойдено лишь влиянием его собственной работы — главного труда его жизни «Сумма теологии», написанного в период 1265–1273 гг. В течение веков эта работа оставалась центральной референтной точкой доктрины католицизма. Ее отличительной чертой стало оригинальное соединение христианской традиции с философией Аристотеля³⁶.

Сам Аристотель считал противоестественным и потому подлежащим осуждению богатство, проистекающее из торговли; особенно же осуждал он торговлю деньгами, т.е. выдачу денежных займов под процент³⁷. Также и в христианской традиции мы находим ярко выраженную оппозицию выдаче приносящих доход займов: в связи с этим часто цитируется отрывок, в котором Иисус говорит: «И займы давайте, не ожидая ничего»³⁸. Фома Аквинский, напротив, занимает более сдержанную позицию³⁹: за осуждением процента как такового следует изошренная казуистика, в рамках которой случаи взимания процента, подлежащие осуждению, отделяются от случаев, в которых он оправдан (особенно случаев, в которых кредитор несет прямой убыток (*damnum emergens*), что позволяет обосновать взимание процента по позитивной, пусть и умеренной, ставке, тогда как обоснование на основе упущенной выгоды (*lucrum cessans*) отвергается, так как оно открыло бы путь легитимизации конкурентной ставки процента — что фактически и происходило постепенно в течение последующих столетий) (см. [Viner, 1978, p. 88–96]).

Путь доказательств, которым следовал Фома, — путь казуистики, или рассмотрения отдельных случаев с различающимися ответами на вопрос о правомерности взимания процента от случая к случаю в зависимости от обстоятельств — был воспринят в последующие столетия в длинной череде работ. Это само по себе демонстрирует, помимо прочего, насколько незначительным было в реальности внимание к многочисленным попыткам запретить взимание процента и какую изобретательность проявляли финан-

³⁶ О личности и экономической мысли Фомы см.: [Nuccio, 1984–1987, vol. 2, 1469–1576], а также приведенную там обширную библиографию.

³⁷ «Поэтому с полным основанием вызывает ненависть ростовщичество, так как оно делает сами денежные знаки предметом собственности, которые, таким образом, утрачивают то свое назначение, ради которого они были созданы: ведь они возникли ради меновой торговли, взимание же процентов ведет именно к росту денег. ...Этот род наживы оказывается по преимуществу противным природе» [Аристотель, 1983, с. 395].

³⁸ Евангелие от Луки 6:35. Схожие места можно найти в Евангелиях от Матфея и Марка, см. также: Иезекииль 18:8 и 18:13.

³⁹ Фактически процент в рамках этого подхода представляет собой платеж за пользование товаром, деньгами, меновая ценность которого уже возмещена в обязательстве вернуть равную сумму. Более радикальный, но по сути схожий, тезис заключался в том, что процент выступает платой за время между выдачей займа и возвращением одолженных денег: поэтому он осуждался на основании того, что время принадлежит лишь Богу.

совые операторы того времени для обхождения нормативных ограничений путем изобретения все новых видов контрактов⁴⁰. С учетом используемого метода, эти работы не приводили к обобщениям и, следовательно, к достойным внимания теоретическим наработкам. В общем можно сказать, что авторы рассматриваемого периода и в первую очередь сам Фома были прекрасно осведомлены о функциях денег как средства обмена и стандарта измерения, но не об их функции как средства сохранения ценности.

Обсуждение этических и правовых вопросов часто пересекалось⁴¹, и дебаты по ростовщичеству оказывали влияние на практический выбор между различными правовыми институтами. Их важность была такова, что многие комментаторы рассматривают их — с учетом различных ответов на вопрос о легитимности взимания процента — как ключевой элемент в объяснении темпов перехода к капитализму⁴². Несомненно то, что осуждение ростовщичества не сопровождалось, как то было у Аристотеля, враждебностью к торговой деятельности в общем. Схоласты лишь призывали к правильному поведению: без обмана и принуждения, но также и без того, чтобы наживаться на более слабых договорных позициях партнеров.

Движение к легализации процента было долгим. Противостояние между «ригористами» и сторонниками смягчения позиции продолжалось веками. Первоначальное преобладание первых постепенно сменялось все

⁴⁰ С этой точки зрения, работы рассматриваемого периода по ростовщичеству являются ключевыми источниками для исследований в области экономической истории, поскольку они свидетельствуют о формах и характере преобладавших тогда рыночных практик и о развитии финансовых инструментов: от простого и переводного векселей до страховых и форвардных контрактов и вплоть до сложных контрактов, сочетающих элементы перечисленных финансовых инструментов.

⁴¹ Если оставаться в области канонического права, то Никейский собор (325) лишь постановил, что духовенству запрещено какое-либо вовлечение в сделки с займами под проценты. После этого запреты постепенно становились более строгими, а степень их охвата расширялась до всего общества. С XIV в. началось медленное движение в обратную сторону и сужение определения ростовщичества (запрещение которого в принципе, однако, было подтверждено папой Бенедиктом XIV в энциклике «*Vix pervenit*» (1745); не отменено это запрещение и по сей день). На Пятом Латеранском соборе в 1515 г. папа Лев X признал приемлемой деятельность институтов *montes pietatis* (ссудных касс), в которых процент по займам взимался для покрытия операционных расходов и компенсации возможных потерь; при этом ростовщичество определялось как «прибыль, извлекаемая без труда, затрат или риска» (см.: [Wood, 2002, p. 204]).

⁴² Тони [Tawney, 1926] придавал этому аспекту гораздо большее значение, чем Вебер [Weber, 1904–1905] в его известнейшем исследовании о воздействии протестантизма на переход от средневековой культуры к культуре, способствовавшей капиталистическому развитию. Со своей стороны, Шпигель [Spiegel, 1971, p. 66] настаивал на том, что средневековые запреты займов под процент стимулировали создание различных форм экономических объединений частных инвесторов, позволявших разделять риски, способствуя, таким образом, зарождению капиталистической фирмы.

более распространенным принятием аргументов последних, в особенности после Реформации. Важную роль здесь сыграл процесс, который Вайнер [Viner, 1978, p. 114–150] назвал «секуляризацией», — отход от ссылок на Божественное Откровение и сдвиг от потусторонних к земным ценностям, произошедший в эпоху Ренессанса⁴³.

Но и в конце XVI в. ростовщичество встречало серьезную оппозицию. Даже после его фактической легализации мы встречаем, например, резкое «Рассуждение о ростовщичестве» Томаса Вильсона, опубликованное в 1572 г. Современное издание этой работы, вышедшее в 1925 г. (репринт 1963 г.) содержало пространное предисловие Тони. В нем описывались основные виды кредитных сделок, распространенные в тот период (те, которые затрагивали крестьянство, мелких ремесленников и обедневшее дворянство, финансирование мануфактур, международный валютный рынок, финансовые институты, предшествовавшие современным банкам), историю дебатов и компромисс, который был достигнут незадолго до публикации работы Вильсона с принятием Закона 1571 г. Этот законодательный акт провозглашал все сделки денежных займов, заключенные по ставке свыше 10%, утратившими законную силу, но не запрещал сделки по меньшим ставкам — не предоставляя, однако, никаких юридических гарантий по ним. Этот компромисс открыл путь к признанию того, что не все денежные займы под процент следует рассматривать как ростовщические, а лишь те из них, которые подразумевают эксплуатацию заемщика путем наложения на него «чрезмерного» процента⁴⁴.

На доктринальном уровне легитимность взимания процентов по займам обосновывалась среди прочих авторов и Жаном Кальвином (1509–1564), хотя лишь в отношении коммерческих займов, тогда как моральное

⁴³ Как заметил Прибрам, «вне зависимости от решений в рамках светской юрисдикции, религиозные советы по экономическим вопросам продолжали приниматься во внимание вплоть до XVI в.» [Pribram, 1983, p. 30].

⁴⁴ Определение ростовщичества как навязывания процентов по денежным займам, существенно превышающим средний рыночный, относительно недавно вновь возникло в законодательстве Италии. Закон № 108 от 1996 г. свидетельствует о живучести — особенно в католических странах — традиции средневековой экономической мысли, вне зависимости от критики экономистов, какой бы убедительной она ни была. Сегодня проблема ростовщичества более связана со способами взимания долгов незаконными способами, что подразумевает опасную связь между ростовщиками и миром мелкой (а иногда и организованной) преступности. Запрещение сверхвысоких процентов очевидно не будет принято во внимание подпольными ростовщиками, которые в то же время используют практическое отсутствие конкуренции со стороны официальных банков в сегменте высокорискового кредитования, особенно на мелкие суммы, для которых издержки по взысканию непропорционально высоки, в том числе и в связи с медлительностью официальной юстиции. Поэтому для таких кредитов относительно более высокие процентные ставки могут быть обоснованы высоким риском невозврата.

осуждение сохраняло силу в отношении потребительского кредитования, обычно связанного с острой нуждой в деньгах и потому эксплуатирующего слабость договорных позиций заемщиков. У Шпигеля [Spiegel, 1971, p. 83] приводится пример французского юриста Шарля Дюмулена (чья книга датируется 1546 г.), отстаивавшего легитимность займов под проценты, но придерживавшегося в то же время мнения о разумности установления властями максимального потолка ставок по кредитам. В рамках саламанкской школы, развивавшейся в Испании XVI в. и достаточно влиятельной в Европе, различные авторы распространяли легальность взимания процентов практически на все виды сделок и на все обстоятельства (см. [Chafuen, 1986, p. 143–150]). Бельгийский иезуит Лессий (Леонард де Лейс, 1554–1623) предложил иное обоснование процента, связанное с редкостью денег в обращении (*caerentia pecuniae*)⁴⁵. Реакция на регулирование процентных ставок пришла лишь с расцветом либерализма — можно указать Тюрго (1769) и особенно «Защиту ростовщичества» Бентама (1787), хотя еще и сам Адам Смит в «Богатстве народов» выступал за установление законодательных потолков для процентных ставок, говоря, что иначе только «расточители и спекулянты» были бы готовы платить большой процент, вытесняя с кредитного рынка «здравомыслящих людей» [Смит, 1962, с. 263]⁴⁶. В Англии законы о ростовщичестве были отменены лишь в 1854 г.

Обратимся теперь к справедливой цене — другому вопросу, восходящему к Аристотелю (см. подразд. 2.2 наст. гл.). Разделение труда делает необходимым обмен, посредством которого каждый отдает и получает: обмен выступает процессом раздачи и принятия милостей (*fluxus et refluxus re-tiarum*), как изящно выразился Альберт Великий (цит. по: [Langholm, 1998, p. 101])⁴⁷. Здесь возникает проблема, связанная с условиями обмена. Следуя традиции римского права и идеям некоторых Отцов Церкви, таких как Амвросий и Августин, Фома понимал справедливую цену как цену, преобладающую на рынке в условиях отсутствия обмана и монопольных практик.

⁴⁵ См.: [De Roover, 1971, p. 90], который, однако, несколько прямолинейно связал это с понятием предпочтения ликвидности у Кейнса (см. подразд. 14.5 наст. изд.).

⁴⁶ Ответ Бентама на это утверждение [Bentham, 1787, 'Letter XIII'] заключался в отождествлении смитовских «спекулянтов» с предпринимателями и первопроходцами в сфере технологических изменений. Здесь он спорит с идеей Смита о дисперсном характере технологических изменений, обеспечиваемом большим числом агентов, и превозносит инновационную функцию предпринимателя, в чем мы находим предвосхищение понятия предпринимателя-новатора у Шумпетера (см. подразд. 15.2 наст. изд.).

⁴⁷ По мнению Дунса Скота, процитированного в том же источнике (p. 102), добровольный обмен дает преимущества всем сторонам — и продавцу, и покупателю — и поэтому включает элемент дарения. Работа Ланггольма является, возможно, лучшим источником по истории средневековой экономической мысли и содержит массу ценных цитат из первоисточников.

Этот подход стал наиболее распространенным и среди авторов, пришедших после Фомы, особенно среди романистов, канонистов и томистов; он оспаривался противниками томизма, такими как последователи Дунса Скота и номиналисты (см. [De Roover, 1971, p. 25 ff., 52 ff.])⁴⁸. Мы должны отметить, вместе с тем, что отсылка к рыночным ценам имела нормативный, а не описательный характер, поскольку в те времена сам конкурентный рынок был исключением, тогда как общее правило состояло в обмене, доступном для небольшого числа участников (см. [De Roover, 1958])⁴⁹. Заметим также, что в XII–XIII вв., во всяком случае в Италии, политические власти (муниципалитеты, цехи) активно вмешивались в ценообразование множества товаров, подлежащих обмену (устанавливая твердые цены или границы их колебания). Кроме того, в силу мелочного регулирования производственных процессов в рамках ремесленных цехов ссылки на затраты производства в источниках того времени подразумевали не понятие конкуренции, которая обеспечивала бы уход с рынка наименее эффективных производителей⁵⁰, а юридически закрепленные издержки, соответствующие принятым регламентациям.

Встречающиеся в работах схоластов указания на издержки производства, в частности на затраты труда, необходимые для производства товара, как на элемент, который следует принять во внимание при определении величины справедливой цены, не складываются в систему, которую можно было бы считать ранним выражением теории ценности классической школы⁵¹. Несомненно то, что ссылки на издержки производства и особенно на затраты труда были широко распространены. Однако они в этом отношении явно проигрывали ссылкам на редкость и полезность, как мы увидим далее. Кроме того, структура затрат рассматривалась как подчиненная социальной стратификации; последняя же считалась данностью, которой «справедливая цена» должна соответствовать. В связи с этим «справедливой» схоласты считали такую цену, которая позволяла бы производителям

⁴⁸ Тезис Фомы был также воспринят авторами, принадлежавшими к саламанкской школе (см.: [Chafuen, 1986, p. 92 ff.]). Среди «оппонентов рыночного взгляда» Вуд [Wood, 2002, p. 143] указывает Жана Жерсона (Jean Gerson) (ум. 1428), который «рекомендовал, чтобы все цены ... устанавливались бы государством».

⁴⁹ Термин «конкуренция» сам по себе появился лишь в XVII в., тогда как термин «монополия» восходит к «Политике» Аристотеля [Аристотель, 1993, с. 397], а термин «олигополия» — к «Утопии» Томаса Мора [More, 1516, p. 67–69].

⁵⁰ Что противоречит часто воспроизводимым замечаниям Шумпетера — в отношении Фомы и затем Дунса Скота [Шумпетер, 2001, т. 1, с. 117], а также в отношении «поздних схоластов» [Там же, с. 124].

⁵¹ В противоположность тому, что считал Тони, который заходил так далеко, что утверждал: «Прямым продолжением учения Аквината стала трудовая теория ценности. Последним схоластом был Карл Маркс» [Tawny, 1926, p. 48].

поддерживать жизненный уровень, приличествующий их социальному положению⁵². В определенном смысле можно утверждать, что указания на издержки производства в большей степени относились к области дистрибутивной, а не коммутативной справедливости.

Как мы уже отмечали, преобладающими в обсуждении справедливости цен являлись ссылки на роль полезности в широком смысле этого слова⁵³. Прежде всего следуя Аристотелю и некоторым Отцам Церкви (например, Августину), Фома и другие признавали, что ценности товаров отражают не «естественную» иерархию (неодушевленные объекты — растительный мир — животный мир — человеческие существа), а способность удовлетворять потребности (*indigentia*)⁵⁴. Более точно, по замечанию Петера (или Иоганна) Оливи (1247–1298) — автора, который непосредственно следовал за Фомой и предшествовал Буридану почти на целое столетие, — следует различать три источника ценности: способность удовлетворять человеческие потребности (*virtuositas*), соответствие предпочтениям индивида, использующего благо, или желательность (*complacibilitas*), редкость (*raritas*) [De Roover, 1971, p. 48–49]⁵⁵.

⁵² Такой точки зрения придерживался Фома Аквинский (см.: [De Roover, 1971, p. 43–44]); можно вспомнить, что среди прочих ее придерживался также Генрих фон Лангштейн, профессор теологии Венского университета (ум. 1397). Это означало принятие как данности социальной структуры существенно различного вознаграждения за различные виды труда, отражавшей различие в социальных статусах разных видов экономической деятельности. Есть разительное отличие между ссылками на затраты труда в схоластическом обсуждении справедливости цен и в классической политической экономии, которая, по меньшей мере на уровне первого приближения, исходила из недифференцированного общественного труда.

⁵³ В работе Лангхольма приводится мнение о совместимости обоих элементов, затрат и общественных оценок [Langholm, 1998, p. 87, 131]. Но их также можно считать и находящимися в оппозиции друг к другу. Например, Хуан де Медина (1490–1546) критиковал Скота за тезис о том, что справедливая цена должна покрывать издержки производства, указывая, что возможность того, что общественная оценка товара окажется ниже, чем издержки по его производству, выступает неотъемлемым элементом рисков коммерции.

⁵⁴ Это важный момент: он подразумевает этическое превосходство экономической шкалы ценностей над онтологической (см.: [Viner, 1978, p. 83]). «Иначе, как заметил Буридан, муха, которая является живым существом, имела бы большую ценность, чем все золото мира» (см. для текстуальных ссылок [De Roover, 1971, p. 47–48]); там же Де Рувер напоминает, что Жан Буридан (ректор Парижского университета в середине XIV в., ум. ок. 1372) разрешил «парадокс ценности», согласно которому золото стоит дороже воды, хотя является менее полезным, указав на проблему избытка или редкости благ. Согласно Де Руверу, рассмотрение проблемы ценности Буриданом оставалось непревзойденным в работах последующих авторов, включая также Смита и Рикардо, вплоть до «маржиналистской революции».

⁵⁵ Там же Де Рувер связывает *virtuositas* с «объективной полезностью», а *complacibilitas* с «субъективной полезностью» и указывает, что Бернардин Сиенский (1380–1444) и Антонин Флорентийский (1389–1459) воспроизвели тезис Оливи. Буридан же, напротив,

Проблему справедливой цены не следует смешивать с проблемой легитимной цены: следуя традициям римского и канонического права, всякая сделка, достигнутая ее участниками добровольно и без принуждения, рассматривалась как легитимная: «Вещь стоит столько, за сколько она может быть продана» (выражение, которое часто повторялось, с небольшими вариациями, и проникло, помимо прочего в «Дигесты» Юстиниана) [Langholm, 1998, p. 78 ff.]. Легитимность добровольно достигнутого акта продажи могла быть оспорена только вследствие значительного урона (*laesio enormis*) одной из сторон — т.е. когда достигнутая цена настолько отличалась от превалирующей на рынке, что делала данный акт обмена совершенно аномальным. Согласно средневековым теоретикам справедливой цены, которые принимали необходимость учета рыночных цен, выражение древнеримских юристов подлежало модификации с тем, чтобы эксплицитно связать справедливую цену в отдельном акте обмена со средней рыночной ценой. Глоссатор Аккурсиус (1182–1260) предложил выражение: «Вещь стоит столько, за сколько она обычно может быть продана» (цит. по: [De Roover, 1971, p. 53]).

Итак, ссылки на «обычную» или рыночную цену не подразумевали внимания к функционированию конкурентных механизмов. Процесс перехода к современной экономической теории был долгим и требовал радикальных изменений в преобладающей культуре, включая и перемещение экономических проблем из области этики в область научного мышления (см. подразд. 3.2 наст. изд.). Однако некоторые из элементов данного перехода уже со всей очевидностью присутствовали в схоластической мысли: например, идея о том, что справедливость в области экономической деятельности связана с формой контрактов, а не с их содержанием, после того как они окончательно оформлены на основании соглашения сторон; а также последовательная деперсонализация понятия рынка⁵⁶.

2.6. Буллионисты и меркантилисты

В период зарождения и роста национальных государств новый тип экономического мышления стал теснить подход теологов и философов, традици-

сосредоточил свое внимание исключительно на «объективной полезности». Приводится мнение о том, что, хотя разделение между двумя ключевыми аспектами — редкостью и полезностью — и принадлежит Оливи, приписываемая ему терминология на деле происходит не собственно из его рукописи, но из заметок на полях к ней, сделанных рукой Бернардина [Chafuen, 1986, p. 91; Langholm, 1998, p. 124]. Замечания Оливи и других были восприняты затем саламанкской школой (см.: [Chafuen, 1986, p. 91–97]). О Бернардине Сиенском и Антонине Флорентийском см.: [Nuccio, 1984–1987, vol. 3, p. 2573–2684, 2733–2813].

⁵⁶ Термин «деперсонализация» предложен Лангхольмом [Langholm, 1998, p. 99].

Ронкалья, А.

Р71 Богатство идей: история экономической мысли [Текст]: учеб. пособие / А. Ронкалья ; пер. с англ. ; под науч. ред. В. С. Автономова ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 656 с. — (Переводные учебники ВШЭ). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-1318-7 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-1829-8 (e-book).

В работе профессора Алессандро Ронкалья представлена история экономической мысли: от ее предыстории, восходящей к источникам времен классической Античности и библейским текстам, до настоящего времени. В этой написанной доступным языком, основанной на множестве источников и тщательно выверенной книге главы, посвященные вкладу известных авторов — Уильяма Петти, Адама Смита, Давида Рикардо, Карла Маркса, Уильяма Стенли Дживонса, Карла Менгера, Леона Вальраса, Альфреда Маршалла, Джона Мейнарда Кейнса, Йозефа Шумпетера и Пьеро Сраффы, — чередуются с главами, посвященными значимым школам, направлениям и дебатам различных эпох. Процесс развития экономической мысли рассматривается в контексте противостояния двух полюсов: субъективного, основанного на понятиях редкости и полезности, и объективного, основанного на понятиях физических затрат и излишка. Профессор Ронкалья обращает внимание на различия в понимании экономики и общества, на эволюцию взглядов с течением времени и подвергает критическому рассмотрению основания субъективного подхода в противопоставлении с классическим и кейнсианским.

Книга адресована студентам, магистрантам, аспирантам и преподавателям экономических дисциплин, а также всем интересующимся историей экономической мысли.

УДК 330.8

ББК 65.02

Учебное издание

Переводные учебники ВШЭ

Алессандро Ронкалья

Богатство идей: история экономической мысли

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*

Редактор *М.С. Ковалева*

Художник *В.П. Коршунов*

Компьютерная верстка: *Л.В. Маликина*

Корректор *Е.Е. Андреева*

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Newton
Усл. печ. л. 53,3. Уч.-изд. л. 38,8. Тираж 1000 экз. Изд. № 1887

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
тел.: 8 (495) 772-95-90 доб. 15285

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, e-mail: sales@chpd.ru, тел.: 8 (499) 270-73-59